

Первое Соборное посланіе святаго Апостола Іоанна Богослова.

Первое соборное посланіе Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова не имѣетъ имени писателя ни въ заглавіи, ни въ текстѣ, лишь въ первыхъ стихахъ посланія писатель непрямо даетъ знать о себѣ, какъ свидѣтель и очевидецъ событій земной жизни Господа Іисуса Христа (I, 1—3). Тѣмъ не менѣе мысль о происхожденіи посланія отъ пера Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова составляетъ твердое убѣжденіе Церкви. Блаженный Теофилактъ вслѣдъ за Св. Афанасіемъ Великимъ («Синописисъ») говоритъ: «Тотъ же Іоаннъ, который написалъ Евангеліе, писалъ и это посланіе съ цѣлью утвердить тѣхъ, которые уже увѣровали въ Господа. И какъ въ Евангеліи, такъ и въ настоящемъ посланіи прежде всего богословствуетъ о Словѣ, показываетъ, что оно всегда въ Богѣ, и учитъ, что Отецъ есть свѣтъ, чтобы мы и отсюда познали, что Слово есть какъ-бы отблескъ Его». Вся христіанская древность согласно признавала это посланіе писаніемъ Апостола и Евангелиста Іоанна: по свидѣтельству Евсевія, «изъ посланій Іоанна, кромѣ Евангелія, какъ нынѣшніе, такъ и древніе христіане признаютъ, безъ всякихъ споровъ, и первое его посланіе» (Церк. Ист. III, 24). Уже св. Поликарпъ Смирнскій, мужъ апостольскій, ученикъ Апостола Іоанна («Послан. къ Филипп.» гл. VII) приводитъ одно мѣсто (IV, 3) изъ перваго посланія св. Іоанна. Столь же древній мужъ, Папій Іеропильскій, по свидѣтельству Евсевія (Церк. Ист. III, 39), пользовался и первымъ посланіемъ Іоанновымъ, какъ и первымъ посланіемъ Ап. Петра. И св. Иринеи Ліонскій, по свидѣтельству Евсевія же (Ц. И. V, 8), въ своемъ сочиненіи «Противъ ересей» приводитъ много свидѣтельствъ изъ перваго посланія Ап. Іоанна (именно въ кн. III, 15. 5 онъ при-

водитъ 1 Іоан. II, 18 — 22, а въ III, 15, 8 — 1; Іоан. IV, 1 — 3; V, 1). Свидѣтельство этихъ трехъ древнихъ мужей, примыкающихъ по времени прямо къ апостольскому вѣку, особенно важно, подтверждающая изначальность вѣры Церкви въ каноническое достоинство посланія.

Изъ II вѣка несомнѣнно знакомство съ посланіемъ Ап. Іоанна — св. Іустина Мученика («Разговоръ съ Трифономъ», гл. СХХІІІ, сн. 1 Іоан. III, 1), автора «Посланія къ Діогнету» (гл. II, сн. 1 Іоан. IV, 9 — 10). Къ концу II-го же вѣка или къ первой половинѣ III вѣка относятся важныя и авторитетныя свидѣтельства общепризнаннаго каноническаго достоинства перваго посланія Іоанна — т. наз. Мураторіева канона, Сирскаго перевода новозавѣтныхъ священныхъ книгъ Пешита и древнелатинскаго перевода. Подобныя же свидѣтельства о подлинности и каноничности посланія встрѣчаются у Климента Александрійскаго (Стром. II, сн. 1 Іоан. V, 16), у Тертуліана (Adv. Praх. с. 15 — 1 Іоан. I, 1), у Оригена (Евсев. Ц. И. VI, 24) Діонисія Александрійскаго (у Евсев. Ц. И. VII, 25) и др. Вообще изъ приведенныхъ свидѣтельствъ очевидно, что каноническое достоинство и подлинность перваго посланія Іоанна были общепризнаны и никакимъ сомнѣніямъ и оспариваніямъ не подвергались. И всѣ внутренніе признаки посланія, всѣ характерныя черты его содержанія, тона и изложенія убѣдительно свидѣтельствуютъ о принадлежности посланія тому же великому Апостолу любви и возвышеннаго христіанскаго созерцанія, которымъ написано и четвертое Евангеліе. И въ посланіи, какъ въ Евангеліи, причисляетъ себя къ самовидцамъ Слова, и все содержаніе посланія проникнуто живымъ воспоминаніемъ о данномъ Спасителемъ примѣрѣ христіанамъ всю жизнь Своею землею (II, 6; III, 3, 5, 7; IV, 17), о Его словѣ и заповѣдяхъ (I, 5; III, 23; IV, 21), о событіяхъ при Его крещеніи и крестной смерти (V, 6). Въ посланіи вѣетъ тотъ же духъ любви и выѣстъ огненной ревности по славіи Божіей и чистотѣ Богопочтенія, та же глубина и сила чувства, тотъ же образъ и характеръ представленія и изложенія, что и въ Евангеліи. Эта внутренняя близость и родство содержанія посланія и Евангелія Св. Іоанна хорошо были подмѣчены и оцѣнены въ смыслѣ доказательства подлинности еще въ древности, напр., св. Діонисіемъ Александрійскимъ въ III в. «Евангеліе (Іоанна) и посланіе, говоритъ онъ, согласны между собою и одинаково начина-

ются; первое говорить: *въ началѣ бѣ Слово*, послѣднее: *еже бѣ исперва*; въ томъ сказано: *и Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Ею, славу яко единароднаго отъ Отца* (Іоан. I, 14), тоже и въ этомъ, съ небольшимъ лишь измѣненіемъ: *еже слышахомъ, еже видѣхомъ очима нашими, еже узрѣхомъ и руки наша осязаша, о Словеси животнѣмъ, и животъ явися* (1 Іоан. I, 1 — 2)... Іоаннъ вѣренъ себѣ и не отступаетъ отъ своей цѣли; онъ раскрываетъ все въ одинаковыхъ періодахъ и тѣми же словами. Приведемъ вкратцѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Внимательный читатель въ каждой изъ упомянутыхъ книгъ часто встрѣтитъ слова: *жизнь, свѣтъ, прехожденіе тьмы*; непрестанно будетъ видѣть: *истина, благодать, радость, плоть и кровь Господа, судъ, оставленіе грѣховъ, любовь Божія къ намъ, завовѣдъ о взаимной нашей любви, и о томъ, что должно соблюдать всѣ заповѣди, также осужденіе міра, діавола, антихриста, обѣтованіе Святого Духа, сыноположеніе Божіе*, во всемъ требуемую въ насъ вѣру, вездѣ Отца и Сына. Вообще, при непрерывномъ вниманіи къ отличительнымъ, невольно представляется одинаковый образъ Евангелія и посланія» (у Евсевія, Церк. Истор. VII, 25).

Если же нѣкоторые западные библеисты новаго времени въ обличаемыхъ первымъ посланіемъ Іоанна лжеучителяхъ видѣли гностиковъ II вѣка и на этомъ основаніи отрицали подлинность посланія, принадлежность его I вѣку и св. Апостолу любви, то, конечно, вѣрно, что законченной и вполне развитой видъ гностическія ученія получили лишь во II-мъ вѣкѣ, но зерна и начатки гностическихъ заблужденій возникли еще въ вѣкѣ апостольскій. «И какъ заблужденіе, которое опровергаетъ писатель посланія, различно отъ гностической и докетической ереси II вѣка, такъ отличенъ и способъ полемики: не противъ частныхъ ученія и личностей еретиковъ, какъ это характерно для позднѣйшей полемики, направляетъ посланіе писатель его; но противъ всеобщихъ и принципіальныхъ положеній, противъ зарождающагося анти-христіанства онъ выставляетъ всеобщія и принципіальныя положенія христіанства» (проф. Н. И. Сагарда).

Что касается времени написанія посланія, то положительныхъ историческихъ свидѣтельств нѣтъ, какъ и въ самомъ посланіи нѣтъ прямыхъ указаній о времени его происхожденія. Все-таки въ содержаніи посланія есть косвенныя данныя, по которымъ происхожденіе посланія слѣдуетъ отнести къ позднему времени жизни Апостола

или къ послѣднимъ годамъ вѣка апостольскаго. Въ своемъ посланіи Ап. Іоаннъ дѣлаетъ предметомъ своихъ заботъ не основаніе и первоначальное устроеніе церковныхъ христіанскихъ общинъ, а лишь напоминаніе и утвержденіе въ той вѣчной истинѣ христіанской, которую они давно услышали, познали и имѣютъ, какъ благодатное «помазаніе» (II, 20. 27). Повидимому, во времени написанія посланія христіанскія общины Малой Азіи, къ которымъ первѣе всего было направлено посланіе, давно уже получили церковную организацію и въ нихъ рядомъ съ вымиравшими членами перваго поколѣнія были и такіе, которые уже родились и выросли въ христіанствѣ (II, 13—14). Въ пользу поздняго происхожденія посланія говоритъ и отражающійся въ немъ внутренній ростъ Церкви, повидимому, выходящій далеко за предѣлы дѣятельности Ап. Павла. Іудейскіе споры, наполняющіе всю исторію Дѣяній Апостольскихъ и всѣ посланія Ап. Павла, не нашли никакого отраженія въ посланіи: здѣсь нѣтъ и намека на какую-либо борьбу защитниковъ Закона и Евангелія, но пренія объ обрѣзаніи и т. под. Іудейство и язычество не выступаютъ, какъ самостоятельныя, враждебныя христіанству, величины; они скорѣе объединились въ общей враждѣ къ нему, образовавши боговраждебное начало «міра» (*κόσμος*, космоса). За то въ нѣдрахъ самой христіанской общины новыя враги-лжеучители, извращавшіе основной догматъ христіанства—Боговоплощеніе—и совершенно ясно обнаружившіе полную свою противоположность ученію и жизни истинной Церкви Христовой, хотя они и вышли изъ нѣдръ ея (II, 19). Такая глубокая перемѣна въ характерѣ вѣроучительныхъ предметовъ и споровъ и вообще въ состояніи Церкви требуетъ, для своего объясненія, едва-ли не цѣлыхъ десятилѣтій отъ дѣятельности Ап. Павла до написанія посланія. Въ виду отмѣченнаго уже близкаго родства посланія и Четвертаго Евангелія обыкновенно считаютъ посланіе или какъ бы рекомендательнымъ письмомъ къ Евангелію—своего рода *prolegomena* къ Евангелію, или же второю, такъ сказать, практическою или полемическою частью Евангелія. Въ томъ и другомъ случаѣ очевидна близость посланія къ Евангелію и по времени написанія. Традиція церковная довольно согласно относитъ написаніе обоихъ священных писаній св. Апостола во времени послѣ возвращенія его изъ ссылки съ острова Патмоса, въ царствованіе Домиціана. Такимъ образомъ конецъ I вѣка христіанскаго, годы 97—99-й, могутъ считаться

хронологическою датою происхожденія перваго посланія св. Ап. Іоанна. И такъ какъ всѣ Апостольніе годы постоль Іоаннъ провелъ въ Малой Азіи, частице—въ городѣ Ефесѣ, то именно этотъ городъ можетъ считаться мѣстомъ написанія посланія. Ближайшимъ же побужденіемъ написанія посланія, адресованнаго къ малоазійскимъ христіанамъ, близко извѣстнымъ св. Апостолу любви по его многолѣтнему пребыванію среди нихъ и руководству ихъ по смерти Апостоловъ Петра и Павла,—было желаніе Ап. Іоанна предостеречь христіанъ отъ лжеучителей (см. напр. II, 19 — 22; IV, 1 — 3), искажавшихъ, какъ видно изъ посланія, ученіе о Божествѣ и воплощеніи Господа Іисуса Христа, о блаженствѣ единенія съ Богомъ и Христомъ (II, 22; IV, 2, 3; I, 6 — 7; II, 2, 3, 12 — 17 и др.). Посему общій характеръ посланія—увѣщательный и обличительный, хотя прямой полемики въ немъ не заключается: возвышаясь своею мыслію надъ временными обстоятельствами, давшими поводъ къ написанію, Апостолъ здѣсь, какъ и въ Евангеліи, болѣе всего имѣетъ вѣчныя потребности членовъ Церкви Христовой, утверждая въ нихъ вѣру въ Іисуса Христа, какъ истиннаго Сына Божія, истиннаго Бога и истиннаго человѣка, и чрезъ то отрывая всѣмъ путь вѣчной жизни (1 Іоан. V, 13, 20; см. Іоан. XX, 31).

О первомъ посланіи Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова на русскомъ языкѣ можно читать: 1, у г. *Θ. Яковлева*—«Апостолы. Очеркъ жизни и ученія святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова въ Евангеліи, трехъ посланіяхъ и Апокалипсисѣ. Вып. II. Москва. 1860. 2, у *прот. А. Полотебнова*—«Соборныя посланія Апостола любви» I. II. III. На слав. и русск., съ предисловіемъ и объяснительными примѣчаніями. Москва 1875. 3, въ статьяхъ г. *И. Успенскаго*: «Вопросъ о пребываніи св. Апостола Іоанна Богослова въ Малой Азіи», Христ. чтен. 1879, I, 3, 279, и «Дѣятельность св. Апостола Іоанна Богослова въ Малой Азіи», тамъ же, II, 245, 4) у *Преосвящ.: Епископа Михаила*—«Толковый Апостолъ» II. Кіевъ 1905, стр. 305 гл. Есть и двѣ спеціальныя монографіи а) *проф. прот. Д. И. Бодашевскаго*—«Лжеучители, обличаемые въ первомъ посланіи Ап. Іоанна», Кіевъ 1890, и б) *проф. Н. И. Сагарды*—«Первое Соборное посланіе святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе. Полтава. 1903.

Первое соборное посланіе святаго Апостола Іоанна Богослова.

ГЛАВА I.

1. О томъ, что было отъ начала, что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали, и что осязали руки наши, о Словѣ жизни

2. (ибо жизнь явилась, и мы видѣли и свидѣствуемъ, и возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь,

которая была у Отца и явилась намъ),

3. о томъ, что мы видѣли и слышали, возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами; а наше общеніе — съ Отцемъ и Сыномъ Его, Иисусомъ Христомъ.

4. И сіе пишемъ вамъ, чтобы радость ваша была совершенна.

I.

Сущность и несомнѣнная истинность благовѣствованія о Словѣ жизни (1—4). Богъ есть свѣтъ (5). Характеръ и условія общенія христіанъ съ Богомъ и Христомъ (6—10).

1—4. Выражая свою мысль нѣсколько сложнымъ періодомъ, Апостолъ начинаетъ посланіе свидѣтельствомъ: возвѣщаемъ (*ἀπαγγέλλομεν*) или пишемъ вамъ о Словѣ жизни (*περὶ τοῦ λόγου τῆς ζωῆς*), которое было отъ начала (*ὃ ἦν ἀπ' ἀρχῆς*), которое мы слышали, которое видѣли своими очами, и которое осязали руки наши. Какъ мы видѣли, уже въ древности было отмѣчено близкое сходство этого начала посланія съ началомъ Евангелія, при чемъ это сходство, по мнѣнію древнихъ церковныхъ учителей, показываетъ тяжесть предмета писаній и ученія о Богѣ-Словѣ или Божественномъ Логосѣ. Слово жизни здѣсь, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ (Весткотта, Дюстердика и др.), не означаетъ только божественнаго ученія, которое возвѣстилъ людямъ Христосъ Спаситель (ср. Фил. II, 16), а есть именно названіе Бога-Слова, какъ показываетъ и конструкція (*περὶ* — у Ап. Іоанна обычно употребляется съ род. пад. лица, см. Іоан. I, 15, 22, 47; II, 25 и др.), и контекстъ рѣчи Апостола: только о личномъ Божественномъ словѣ или Богочеловѣкѣ Апостолъ о себѣ и другихъ Апостолахъ могъ сказать: «мы слышали, видѣли своими очами, разсматривали, осязали руки наши», и въ ст. 2 Апостолъ свидѣтель-

5. И вотъ, благовѣстіе, которое мы слышали отъ Него и возвѣщаемъ вамъ: Богъ есть свѣтъ, и нѣтъ въ Немъ ни какой тьмы.

стуетъ что эта жизнь—вѣчная жизнь Богочеловѣка—была у Отца и явились намъ, что вполне напоминаетъ слова св. Апостола Іоанна о Божественномъ Словѣ-Христѣ въ Евангеліи: *«въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ чело-вѣкомъ»* (Іоан. I, 4). Употребленіе же Апостоломъ и въ посланіи тѣхъ же словъ и выраженій, что и въ Евангеліи, каковы: λόγος, ζωή, ἦν, πρὸς, еще болѣе сродство или тожество понятій и отношеніе ихъ къ одному и тому же главному предмету—Богу-Слову. Не повторяя здѣсь сказаннаго въ примѣчаніяхъ къ Евангелію Іоанна гл. I, замѣтимъ лишь, что наименованіе Сына Божія Логосомъ какъ въ Евангеліи, такъ и въ посланіи не было дѣломъ самостоятельнаго умозрѣнія Апостола, а открыто было Тайнозрителю въ нарочитомъ сверхъестественномъ откровеніи (см. Апок. XIX, 13). Вѣчное бытіе Бога Слова выражается въ разсматриваемомъ мѣстѣ посланія словами ἦν ἀπ' ἀρχῆς, какъ и въ Евангеліи: ἐν ἀρχῇ ἦν, «отъ начала», какъ и «въ началѣ» значить до начала времени, иначе безначально и безконечно, слѣдовательно вѣчно. Равнымъ образомъ и «слово: было означаетъ не временное существованіе, но самостоятельное бытіе извѣстнаго предмета, начало и основаніе всего, что получило бытіе, такое, безъ котораго послѣднее и не могло бы придти въ бытіе» (бл. Теофил.).

Показывая совершенную достовѣрность благовѣстнической проповѣди Апостоловъ о Богѣ-Словѣ, св. Апостолъ указываетъ на полноту, исключаящую возможность какого-либо сомнѣній, знанія Апостоловъ о Богочеловѣкѣ, основаннаго на всестороннемъ духовно-чувственномъ опытѣ Апостольскомъ: всѣ чувства вѣшнія и всѣ внутреннія духовныя силы Апостоловъ участвовали въ опытномъ постиженіи Бога-Слова, явившагося во плоти: «осязали и умственными прикосновеніемъ и вѣстѣ чувственнымъ, какъ, напр., Θάμα сдѣлалъ по воскресеніи. Ибо Онъ былъ Одинъ и нераздѣленъ, Одинъ и Тотъ же—зримый и невидимый, объемлемый и необъятный, неприкосновенный и осязаемый, вѣщающій, какъ чело-вѣкъ, и чудотворящій, какъ Богъ» (Теофил.).

Слово Божественное у Апостола здѣсь, въ ст. 1-мъ, названо Словомъ жизни, а въ ст. 2-мъ—Жизнью (ἡ ζωή), бывшею у Отца и явившеюся людямъ, жизнию вѣчною (τὴν ζωὴν τὴν αἰώνιον), которую возвѣщаютъ Апостолы, въ томъ числѣ и пишущій настоящее посланіе св. Іоаннъ. Въ ст. 3 и 4 цѣлѣю и проповѣди вообще, и настоящаго посланія поставляется то, чтобы христіане проповѣданное и написанное слово Апостольское имѣли общіе (κοινωνίαν) не только съ Апостолами, но чрезъ нихъ—и съ Богомъ Отцемъ и Иисусомъ Христомъ: «чрезъ слово мы принимаемъ васъ въ общники видѣннаго и слышаннаго нами, такъ мы имѣемъ васъ общниками Отца и Сына Его Иисуса Христа, а получивъ это мы, какъ прильпившіеся къ Богу, можемъ исполниться радости» (бл. Теофил.). Такимъ образомъ, въ посланіи ученіе о Словѣ Божественномъ раскрывается, главнымъ образомъ, со стороны непреходящей, вѣчной блаженной жизни, имѣющей свой источникъ въ Богѣ-Словѣ, и со стороны общенія христіанъ съ этимъ самобытнымъ источникомъ всякой жизни. Если въ Евангеліи Іоанна раскрыто собственно ученіе о лицѣ Бога-Слова Иисуса Христа, то посланіе даетъ приложеніе этого ученія къ жизни; на основѣ истиннаго Боговѣдѣнія и вѣры въ Иисуса Христа, какъ воплотившееся Слово Божіе, оно осозидаетъ жизнь cadaго отдѣльнаго члена Христовой Цѣли, чтобы всѣхъ привести къ вѣчной жизни, къ вѣчному блаженству въ общеніи съ Богомъ.

5. Сущность благовѣстія. принесеннаго на землю Воплотившимся Словомъ Божіимъ, слышаннаго отъ Него Апостолами и ими возвѣщаемъ людямъ, Апо-

6. Если мы говоримъ, что имѣемъ общеніе съ Нимъ, а ходимъ во тьмѣ, то мы лжемъ и не поступаемъ по истинѣ;

7. если же ходимъ во свѣтѣ, подобно какъ Онъ во свѣтѣ, то имѣемъ общеніе другъ съ другомъ, и Кровь Іисуса Христа, Сына Его, очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха.

столь Іоаннъ здѣсь выражаетъ въ формѣ краткаго афоризма съ противоположеніемъ мысли положительной и мысли отрицательной (параллелизмъ антитезическій): *Богъ есть свѣтъ, и нѣтъ въ Немъ никакой тьмы*. Судя по афористическому характеру этого выраженія, а еще болѣе по прямому свидѣтельству Апостола: «мы слышали отъ Него»,—можно думать, что здѣсь воспроизведено точное изреченіе, собственные слова Спасителя—одно изъ тѣхъ немалочисленныхъ *аграфъ* (*аѳрафъ*)—незаписанныхъ въ Евангеліи изреченій Господа, которыя сохранились лишь въ писаніяхъ Апостоловъ (таково приводимое Ап. Павломъ въ рѣчи къ ефесскимъ пастырямъ изреченіе Господа: «блаженнѣе давать, нежели принимать» Дѣян. XX, 35) или въ болѣе позднихъ памятникахъ христіанскаго церковного преданія. Возможно, впрочемъ; какъ и предполагаютъ нѣкоторые толкователи, что рассматриваемое изреченіе есть общеніе, сокращеніе или напоминаніе нѣсколькихъ подобныхъ изреченій Христа Спасителя о Себѣ, какъ о свѣтѣ (Іоан. VIII, 12; IX, 5), самимъ Апостоломъ выраженное въ афоризмѣ.

Во всякомъ случаѣ, положеніе: «Богъ есть свѣтъ» есть одно изъ выраженій, употребляемыхъ Ап. Іоанномъ, которыми описывается собственное существо Бога, каковы: «Богъ есть Духъ» (Іоан. IV, 24) и «Богъ есть Любовь» (I Іоан. IV, 8); если другіе новозавѣтные писатели говорятъ о свойствахъ и дѣйствіяхъ Бога, то св. Іоаннъ говоритъ о томъ, что есть Богъ въ своемъ существѣ. Основное понятіе, даваемое именемъ свѣта въ приложеніи къ Богу, есть понятіе абсолютнаго нравственнаго совершенства, ср. Іак. I, 17, совершеннѣйшей святости. Какъ въ видимомъ мірѣ свѣтъ есть стихія превосходнѣйшая и благодѣтельнѣйшая, все освѣщающая, согрѣвающая, оживляющая, такъ и въ Богѣ «свѣтъ» есть совокупность и полнота Его Божескихъ совершенствъ—святости, премудрости, всевѣдѣнія, благодати и др., по которымъ Богъ все въ мірѣ озаряетъ, просвѣщаетъ, оживотворяетъ, приводитъ къ блаженству. И нѣтъ никакого недостатка ни въ одномъ изъ этихъ свойствъ Божіихъ, нѣтъ никакой тѣни въ присносущемъ свѣтѣ существа Божія. «Итакъ Онъ есть свѣтъ, и тьмы въ Немъ нѣтъ, но свѣтъ духовный, привлекающій очи души къ зрѣнію Его, а отъ всего вещественнаго отвращающій и возбуждающій стремленіе къ Нему одному съ самою сильною любовью. Подъ тьмою разумѣть или незнаніе, или грѣхъ, ибо въ Богѣ нѣтъ ни незнанія, ни грѣха, потому что незнаніе и грѣхъ имѣютъ мѣсто (только) въ веществѣ и въ нашемъ расположеніи...» А что Апостолъ называетъ тьмою грѣхъ, это видно изъ Евангельскаго изреченія его: «и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объяла» (Іоан. I, 5), гдѣ тьмою онъ называетъ нашу грѣховную природу, которая по всей склонности къ паденію уступаетъ завистику нашему діаволу, увлекающему къ грѣху. Итакъ Свѣтъ, соединившійся съ нашимъ естествомъ, весьма удивляемымъ, сталъ совершенно неумовимъ для искуссителя, ибо Онъ грѣха не сотворилъ (Іс. LIII, 9).

Изъ ученія о Богѣ, какъ Свѣтѣ, Апостолъ далѣе дѣлаетъ два нравственно-практическихъ вывода: а) о необходимости для христіанъ ходить въ вѣрѣ истины и чистоты, признавать и исповѣдывать свои грѣхи и очищаться кровію искупителя (I, 6; II, 2) и б) о долгѣ ихъ соблюдать заповѣди Божіи, особенно заповѣдь о любви (II, 3—11).

6—7. Каждый христіанинъ, какъ членъ Царства Божія, долженъ нахо-

8. Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха, — обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ.

9. Если исповѣдуемъ грѣхи наши, то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, проститъ намъ грѣхи наши и очиститъ насъ отъ всякой неправды.

10. Если говоримъ, что мы не согрѣшили, то представляемъ Его лживымъ, и слова Его нѣтъ въ насъ.

даться въ живомъ общеніи съ Богомъ. Но необходимымъ для того условіемъ является хожденіе христіанина въ свѣтѣ истины и святости. При отсутствіи же этихъ условій христіанинъ заблуждался бы или допускалъ бы сознательный обманъ, почитая себя стоящимъ въ общеніи съ Богомъ—Свѣтомъ истины и святости. Рѣзкость тона, повидимому, говорить о томъ, что Апостолъ имѣетъ въ виду какихъ-то лжеучителей, искажавшихъ истинное понятіе о существѣ христіанской жизни и общенія съ Богомъ. «Итакъ, когда мы принимаемъ васъ въ общини съ Богомъ, Который есть свѣтъ, а въ этомъ свѣтѣ, какъ показано, нѣтъ тьмы и не можетъ быть; то и мы, какъ общиники свѣта, не должны въ себя принимать тьму, чтобы не понести наказаніе за ложь, и вмѣстѣ съ ложью не быть отторгнутымъ отъ общенія съ свѣтомъ» (бл. Теофил.). Истинное же общеніе съ Богомъ, истинное хожденіе во свѣтѣ по закону богоуподобленія необходимо проявляется въ общеніи и съ ближними, въ братолюбіи. Но источникъ благодатной силы ходить въ свѣтѣ общенія съ Богомъ и ближними заключается единственно въ искупленіи всего міра Кровію Сына Божія. «Никто, любящій истину и старающійся быть истиннымъ, не осмѣлится сказать, что онъ безгрѣшенъ. Итакъ, если кѣмъ овладѣваетъ это опасеніе, тотъ пусть не унываетъ: ибо кто вступилъ въ общеніе съ Сыномъ Его Иисусомъ Христомъ, тотъ омытъ кровію Его, пролитую за насъ» (бл. Теофил.).

8—10. Уже въ послѣднихъ словахъ ст. 7-го Апостолъ высказалъ мысль, что грѣхъ дѣйствуетъ и въ христіанахъ, и что всѣ они имѣютъ нужду въ очищающей силѣ Крови Христовой. Теперь, имѣя въ виду, быть можетъ, лжеучителей, отвергавшихъ эту истину, Апостолъ съ особенною настойчивостью доказываетъ необходимость для всѣхъ христіанъ имѣть сознаніе испорченности своей природы и склонности ко грѣху. Недостатокъ этого сознанія, а тѣмъ болѣе полное его отсутствіе ведетъ не только къ пагубному самопрельщенію (ст. 8), но далѣе—въ концѣ концовъ—къ отрицанію искупительнаго дѣла Христова, къ признанію даже Самого Бога лжецомъ (ст. 10), ибо, если люди сами по себѣ могутъ быть безъ грѣха, то излишни искупленіе и Искупитель, и Слова Писанія о необходимости для всѣхъ искупленія оказывались бы лживыми. Но отрицая и осуждая со всею рѣшительностью самопрельщеніе и притязаніе на совершенную безгрѣшность, Апостолъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ естественно возникающій вопросъ: какъ-же примирить грѣховное состояніе христіанина съ необходимымъ требованіемъ общенія съ Богомъ, Который есть свѣтъ? Отвѣтъ на это недоумѣніе Апостолъ даетъ въ ст. 9 въ томъ смыслѣ, что необходимымъ условіемъ общенія нашего съ Богомъ при вѣличности несомнѣнной грѣховности нашей—*исповѣданіе*, т. е. открытое, рѣшительное и настойчивое признаніе нашихъ грѣховъ: *ἐν ὁμολογῶμεν τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν*—исповѣданіе не общей только грѣховности, но определенныхъ грѣховъ извѣстныхъ, какъ дѣянія тьмы. Что исповѣданіе грѣховъ не можетъ ограничиться однимъ внутреннимъ сознаніемъ, а должно сопровождаться и вѣшнимъ исповѣданіемъ или открытымъ самосужденіемъ предъ Богомъ и предъ свидѣтелемъ, поставленнымъ Богомъ вазать и рѣшать грѣхи человѣческіе (Іоан. XX, 22—23),

ГЛАВА II.

1. Дѣти мои! сіе пишу вамъ, **ста праведника:**
 чтобы вы не согрѣшали; а еслибы кто согрѣшилъ, то мы имѣемъ хо-
 датая предъ Отцемъ, Іисуса Хри- **ста.**

это предполагается уже значеніемъ и новозавѣтнымъ употребленіемъ термина *ὁμολογεῖν*, заключающаго въ себѣ мысль о вѣшной высказанности или выраженіи того или другого предъ людьми (ср. Матѣ. X, 32—33; Іоан. I, 20). «Сколько великое благородство отъ исповѣди, видно изъ слѣдующихъ словъ: «скажи ты прежде грѣхи свои, чтобы оправдаться» (Ис. XLIII, 26) (бл. Феофил.), При выполненіи нами требуемаго условія—исповѣданія грѣховъ—Богъ, по увѣренію Апостола, непременно проститъ грѣхи кающагося (слав. *оставитъ грѣхи наши*) и внутренне очиститъ грѣшника отъ неправды (*очиститъ насъ отъ всякія неправды*). Въ этомъ одновременно осуществляется и вѣрность, и праведность Бога. «Богъ *въренъ*, это тоже, что истиненъ; ибо слово *въренъ* употребляется не о томъ только, кому вѣряютъ что-нибудь, но и о томъ, кто самъ весьма вѣренъ, кто собственною своею вѣрностью можетъ и другихъ дѣлать такими. Въ такомъ смыслѣ Богъ вѣренъ, а *праведенъ* Онъ въ томъ смыслѣ, что приходящихъ къ Нему, какъ бы ни были они грѣшны, не прогоняетъ» (Іоан. VI, 37) (бл. Феоф.).

II.

Христосъ есть умилоствленіе за грѣхи всего міра (1—2). Познаніе Его и общеніе съ Нимъ, какъ свѣтомъ, въ дѣятельномъ исполненіи заповѣдей Божіихъ, особенно заповѣди о любви (3—11). Всеобщность и общедоступность спасенія во Христѣ (12—14). Враждебная общенію съ Богомъ любовь къ міру (15—16). Признаки наступленія послѣдней міровой эпохи (17—19). Истинное Христово ученіе въ противоположность антихристіанскому (20—27)

1—2. Желая предотвратить возможность перетолкованія изложеннаго въ I, 5—10 ученія, св. Іоаннъ Богословъ съ отеческою трогательностью выразительно напоминаетъ читателямъ, что написанное имъ въ этихъ стихахъ отнюдь не можетъ служить оправданіемъ легкаго отношенія ко грѣху и его много-различнымъ проявленіямъ, напротивъ: цѣлью тамъ сказаннаго является отвращеніе читателей и христіанъ вообще отъ грѣха: *сія пишу вамъ, да не согрѣшаете*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для людей особенно чуткой совѣсти, искренно ищущихъ свободы отъ грѣха и истиннаго христіанскаго совершенства, но глубоко сознающихъ грѣховность человѣческой природы, Апостолъ присоединяетъ и ободреніе въ вѣрѣ во всемогущее ходатайство Господа Іисуса Христа, великаго и вѣчнаго Ходатая (*παράκλητος*, vulg. *advocatum*) за челоѣчество предъ Богомъ Отцомъ (ср. 1 Тим. II, 5). «Апостолъ, зная, что природа наша непостоянна и грѣховна, что влеченіе ко злу мы всегда носимъ въ себѣ, что завистникъ діаволъ препятствуетъ своимъ ковами спасенію нашему, что посему и примирившіеся уже съ Богомъ чрезъ исповѣдь, если живутъ невнимательно, не избѣгаютъ грѣха, внушаетъ теперь, что, если бы мы пали послѣ прощенія грѣховъ, то не должны отчаяваться. Ибо, если обратимся, то можемъ и опять получить спасеніе чрезъ посредничество Господа Іисуса Христа, потому что Онъ, ходатайствуя о насъ предъ Отцемъ, умилоствитъ за грѣхи наши, и не

3. А что мы познали Его, узнаёмъ изъ того, что соблюдаемъ Его заповѣди.

4. Кто говорить: я позналъ Его, но заповѣдей Его не соблюдаетъ, тотъ лжець, и нѣтъ въ немъ истины;

5. а кто соблюдаетъ слово Его, въ томъ истинно любовь Божія совершилась: изъ сего узнаёмъ, что мы въ Немъ.

6. Кто говорить, что пребываетъ въ Немъ, тотъ долженъ по-

ступать такъ, какъ Онъ поступалъ.

7. Возлюбленные! пишу вамъ новую заповѣдь, но заповѣдь древнюю, которую вы имѣли отъ начала. Заповѣдь древняя есть слово, которое вы слышали отъ начала.

8. Но притомъ и новую заповѣдь пишу вамъ, что есть истинно и въ Немъ и въ васъ, потому что тьма проходить и истинный свѣтъ уже свѣтитъ.

только за наши, но и за грѣхи всего міра. Апостолъ сказалъ это потому, что писалъ іудеямъ, сказалъ для того, чтобы показать, что благотворность покаянія не ограничивается только ими одними, но простирается и на язычниковъ, или что общаніе это относится не къ однимъ только современникамъ, но и ко всемъ людямъ послѣдующихъ вѣковъ. Иисуса Христа онъ называетъ Ходатаемъ за насъ, умоляющимъ или уговаривающимъ Отца... съ особенною цѣлю, именно—представить, что Сынъ имѣетъ одно естество и одну силу со Отцемъ, и что дѣйствіе одного изъ трехъ пресвятыхъ Лицъ общи и прочимъ лицамъ» (Оеофил.).

3—6. Высказавъ основной догматъ Христовой христіанской вѣры о Христѣ, какъ Искупителѣ и Ходатаѣ человечества и всего міра, Апостолъ теперь указываетъ то непремѣнное условіе, при которомъ ходатайство Спасителя будетъ дѣйствительно и спасительно для насъ,—именно соблюденіе заповѣдей Его, дѣятельное осуществленіе Его заветовъ, а не одно только интеллектуальное познаніе Его. Имѣя, повидимому, въ виду какихъ-то лжеучителей, хвалившихся своимъ христіанскимъ вѣдѣніемъ, но ничего не дѣлавшихъ для проведенія этого знанія въ жизнь (ст. 4—6), Апостолъ со всею силою настаиваетъ на томъ, что правильное отношеніе человека къ Богу и чистота самаго вѣдѣнія его обнаруживаются только изъ соответственнаго жизненнаго поведения человека.

Соблюденіе нами заповѣдей Божіихъ (ст. 3—5) служить лучшимъ доказательствомъ того, что мы знаемъ Бога. При этомъ жизненною снязью между Богосознаніемъ и соблюденіемъ заповѣдей является истинная христіанская любовь. «Совершенная любовь, говорить, доказывается дѣлами. Но какъ бываетъ, что иной (повидимому) правильно и точно соблюдаетъ заповѣди, а внутреннее его расположеніе нечисто, почему онъ, далеку отъ Бога; то Апостолъ говорить, что присвоившійся Богу долженъ и жить такъ, какъ требуетъ близость къ Богу... И отъ противнаго подтверждастъ тоже, употребляя самое полное доказательство» (бл. Оеофил.). Постояннымъ образцемъ жизненнаго поведения долженъ быть Христосъ Спаситель, осуществившій волю Божію во всей полнотѣ (ст. 6. Сн. 1 Петр. II, 21; Іоан. VIII, 29; XVII, 4).

7—8. Преподать читателямъ наставленіе соблюдать заповѣди (ст. 3—5), особенно заповѣдь о любви, и указавъ на высочайшій образецъ любви и вообще совершенства христіанскаго въ Господѣ Иисусѣ Христѣ (ст. 6), Апостолъ, какъ бы предупреждая возможное со стороны читателей указаніе трудности выполненія этого завета и этого подражанія, свидѣтельствуешь теперь, что выставленное имъ требованіе не есть что-либо новое, а составляетъ древнюю (Лев. XIX, 18), хотя вмѣстѣ и новую заповѣдь. «Такъ какъ

9. Кто говоритъ, что онъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ.

10. Кто любитъ брата своего тотъ пребываетъ во свѣтѣ, и нѣтъ въ немъ соблазна.

11. А кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ и во тьмѣ ходитъ, и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза.

посланіе это соборное, писано обще ко всѣмъ, къ іудеямъ и язычникамъ, то по отношенію къ іудеямъ можно сказать, что Апостолъ пишетъ имъ заповѣдь о любви не новую, а древнюю. Ибо и на скрижаляхъ Моисеевыхъ написано было: «любви, послѣ Бога, и ближняго своего, какъ самого себя» (Лев. XIX, 18)... Законъ о любви къ ближнимъ написанъ и у язычниковъ. Какъ такъ? Онъ написанъ у нихъ на скрижаляхъ сердца естественными помыслами... Итакъ, и язычники привяли законъ или заповѣдь древнюю, такъ какъ сама природа предписываетъ намъ быть кроткими другъ къ другу, вслѣдствіе чего человѣкъ есть животное общительное, а это невозможно безъ любви. Въ древнихъ исторіяхъ записано даже много такихъ людей, которые умирали за другихъ, а это есть знакъ высочайшей любви, какъ объяснилъ Спаситель нашъ, говоря: «нѣтъ больше сей любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» (Іоан. XV, 13) (блаж. Теофил.). Однако христіанская любовь къ ближнимъ не есть ни естественное только, присущее и душѣ человѣка по природѣ, человѣколюбіе, возможное и у язычниковъ, ни предписаніе, имѣющее цѣлью ограничить страсть къ мстительности, какъ въ законѣ Моисеевомъ, а нѣчто далеко превосходящее то и другое, какъ свободная любовь христіанъ между собою во имя Христово, какъ любовь, опирающаяся на совершенно новое, дотогѣ неизвѣстное основаніе.

Такимъ образомъ «любовь къ ближнимъ есть заповѣдь древняя и вмѣстѣ новая»: она заповѣдь древняя, потому что сообщена еще въ ветхозавѣтномъ откровеніи, но она вмѣстѣ и заповѣдь новая, ибо во всей полнотѣ осуществлена только Иисусомъ Христомъ, и осуществляется по примѣру Его, въ вѣрующихъ, въ жизни которыхъ тьма уже проходитъ и начинается сіять истинный свѣтъ Боговѣднія (ст. 7—8) (*проф. прот. Д. И. Богдасевскій*, Ц. соч., стр. 12).

9—11. Разъ установлено, что истинный свѣтъ Боговѣднія и любви христіанской уже свѣтитъ на землѣ и что постепенное осуществленіе христіанскаго идеала обязательно для всѣхъ христіанъ при наступившихъ новыхъ условіяхъ жизни во Христѣ, то легко опредѣлить, кто принадлежитъ къ этой области свѣта, и кто—къ противоположной области тьмы. Безспорный признакъ, по которому можно различить сыновъ свѣта отъ сыновъ тьмы, есть братская во Христѣ любовь къ ближнимъ (ст. 9, ср. Іоан. XIII, 34—35): присутствіе этой любви въ человѣкѣ доказываетъ дѣйствительную принадлежность его къ области свѣта (ст. 10), а отсутствіе ея въ человѣкѣ, хотя бы именующемъ себя сыномъ свѣта,—вѣрный знакъ того, что онъ—не христіанинъ, сынъ тьмы (ст. 9—11). «Близость или любовь къ Богу прежде всего узнается изъ любви къ ближнему. Ибо невозможно, чтобы освѣщенные познаніемъ Бога и исполненные любви къ Нему имѣли тьму ненависти къ брату своему; потому что свѣтъ и тьма въ одно и то же время въ одномъ и томъ же предметѣ не могутъ быть вмѣстѣ. Посему освѣщенный любовью къ Богу и имѣющій Бога, и по отношенію къ брату имѣетъ свѣтъ, который возжигается отъ любви къ брату. А кто говоритъ, что онъ любитъ Бога, между тѣмъ ненавидитъ брата, тотъ находится въ постоянной тьмѣ, у того разумная очь всегда помрачена, потому что онъ утратилъ свѣтъ общенія

12. Пишу вамъ, дѣти, потомучто прощены вамъ грѣхи ради имени Его.

13. Пишу вамъ, отцы, потомучто вы познали Сущаго отъ начала. Пишу вамъ, юноши, потомучто вы побѣдили лукаваго. Пишу вамъ, от-

роки, потомучто вы познали Отца.

14. Я написалъ вамъ, отцы, потомучто вы познали Безначальнаго; я написалъ вамъ, юноши, потомучто вы сильны, и слово Божіе пребываетъ въ васъ, и вы побѣдили лукаваго.

съ Богомъ и съ братомъ. Онъ не знаетъ уже и того, что для него самого можетъ быть полезно» (бл. Теофил.).

Обращаетъ вниманіе то, что Апостолъ здѣсь, (ст. 9 и 11), и въ другихъ мѣстахъ посланія, противопоставляетъ понятію любви не недостатокъ любви, а прямо ненависть, т. е. беретъ діаметрально противоположныя понятія и ставитъ ихъ во взаимно-исключающее отношеніе. Хотя въ жизни бываетъ безконечно много степеней и оттѣнковъ любви и нелюбви, но Апостолъ все разсматриваетъ съ точки зрѣнія абсолютной, со стороны принципа и конечныхъ результатовъ: для него, поэтому, существуетъ только два царства или направленія—царство свѣта и царство тьмы; на одной сторонѣ Богъ, на другой міръ; тамъ—жизнь, здѣсь—смерть (ср. III, 14); тамъ любовь и всѣ средства къ спасенію, здѣсь—ненависть и полная невозможность спастись. Отсюда проистекаетъ чистота, глубина и сила христіанской этики Апостола.

12—14. Предложивъ вниманію читателей ученіе о хожденіи въ свѣтѣ и сущности Богослуженія и о любви, какъ главнѣйшемъ условіи послѣдняго (I, 6—II, 8), и имѣя въ виду далѣе (со ст. 15) дать указанія, какъ христіанамъ должно относиться къ міру, Апостолъ этому послѣднему предостереженію предпосылаетъ сильное и настойчивое воззваніе къ христіанамъ разныхъ возрастовъ. Обращеніе: «чадца», *tekhnia* (ст. 12) и «дѣти» *paidia* (ст. 14) суть не названія дѣтей въ собственномъ смыслѣ, а отеческое обращеніе старца-Апостола ко всѣмъ читателямъ-христіанамъ безъ различія возраста, какъ показываетъ употребленіе *tekhnia* въ II, 1, 28; III, 7, 18; IV, 4; V, 21; и *paidia* въ II, 18. Другими же названіями: «отцы», «юноши» обозначаются болѣе степени духовныхъ совершенствъ и качествъ, чѣмъ возрасты естественные, хотя нельзя исключать совсѣмъ и послѣднихъ (слово *neaniskoi* не идетъ для обозначенія одной лишь духовной зрѣлости), потому что возможно совпаденіе возраста естественнаго съ духовнымъ. Обращеніе къ разнымъ возрастамъ или классамъ читателей Апостоломъ сдѣлано въ двухъ параллельныхъ рядахъ, при чемъ первый рядъ обращеній объединяется глаголомъ *grapso*, пишу, въ наст. вр., а обращенія второго ряда связываются тѣмъ же глаголомъ въ формѣ аориста. Различная въ христіанскомъ обществѣ отдѣльныхъ членовъ неодинаковаго возраста, духовнаго и естественнаго, Апостолъ всѣмъ имъ усвоитъ высокія духовныя преимущества и блага, полученные ими въ христіанствѣ,—съ цѣлью отвратить ихъ отъ привязанности къ міру (ст. 15). Именно, «обращаясь прежде всего ко всѣмъ христіанамъ общины (*tekhnia*), Апостолъ говоритъ, что онъ пишетъ имъ потому, что грѣхи ихъ прощены имъ (II, 12). Но прощеніе грѣховъ предполагаетъ познаніе Того, чрезъ Кого даровано намъ это высочайшее благо—познаніе Спасителя Иисуса Христа. Хотя познаніе такого рода, какъ и прощеніе грѣховъ, принадлежатъ всѣмъ христіанамъ, но оно преимущественно отличается «отцевъ». *Пишу вамъ, отцы*,—говоритъ Апостолъ—*яко познаете Безначальнаго*. Отпущеніе грѣховъ предполагаетъ, далѣе, борьбу съ грѣхомъ и побѣду надъ нимъ, и такъ какъ эта борьба сравнительно недавно совершена юношами, и, слѣдовательно, по-

15. Не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей.

16. Ибо все, что въ мірѣ: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра сего.

17. И міръ проходитъ, и похоть его, а исполняющій волю Божию пребываетъ во-вѣкъ.

18. Дѣти! послѣднее время. И

какъ вы слышали, что придетъ антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ, то мы и познаемъ изъ того, что послѣднее время.

19. Они вышли отъ насъ, но не были наши; ибо еслибы они были наши, то остались бы съ нами; но они вышли, и чрезъ то открылось, что не всѣ наши.

слѣдніе должны особенно заботиться, чтобы не потерять приобрѣтеннаго, то Апостолъ Іоаннъ, обращаясь къ нимъ, говоритъ: пишу вамъ, юноши, яко побѣдите лукаваго... (проф. прот. Д. И. Богдасhevскій, стр. 15—16). Возможно, что здѣсь имѣется въ виду «какое-нибудь особенно сильное столкновеніе съ еретиками, изъ котораго малоазійская церковь вышла побѣдительною, благодаря преимушественно энергіи молодого поколѣнія» (проф. Н. И. Сагарда, стр. 395). Во второмъ обращеніи къ юношамъ (ст. 14) Апостолъ поясняетъ, что сила, при помощи которой юноши побѣдили лукаваго, была не собственная ихъ сила юношеской полноты жизни, а сила Божественная, духовная—сила слова Божія, Евангелія, пребывающаго въ нихъ.

15—17. Указавъ въ нарочитомъ двукратномъ воззваніи къ христіанамъ разныхъ возрастовъ на высокое благодатное состояніе христіанъ, Апостолъ теперь рѣшительнѣе высказываетъ предостереженіе противъ міра, лежащаго во злѣ, и обманчивыхъ благъ міра. Что же такое міръ, о κόσμος, отъ привязанности къ которому предостерегаетъ Апостолъ съ особенною настойчивостью? «Чтобы ты не разумѣлъ подъ міромъ совокупность неба и земли, Апостолъ объясняетъ, что такое міръ и находящееся въ мірѣ. И, во-первыхъ, подъ міромъ разумѣетъ порочныхъ людей, которые не имѣютъ въ себѣ любви Отчей. Во-вторыхъ, подъ находящимся въ мірѣ, разумѣетъ то, что совершается по похоти плотской, что, дѣйствуя черезъ чувства, возбуждаетъ похоть... вообще все, враждебное Богу»... (бл. Теофил.). Такимъ образомъ, это—міръ, отъ котораго, по увѣщанію Апостола Іакова, истинный христіанинъ долженъ беречь себя неоскверненнымъ (Іак. I, 27); до гроба съ нимъ есть вражда противъ Бога (Іак. IV, 4). Два основанія указаны Апостоломъ въ доказательство необходимости рѣшительнаго и полнаго отдѣленія отъ міра: во-первыхъ, то, что любовь къ Богу не совмѣстима съ любовью къ міру (ст. 15);—несовмѣстима по той причинѣ, что сущность міра, внутреннюю, одушевляющую его, жизнь образуетъ грѣховная, боговраждебная похоть извращенной грѣхомъ природы человеческой (ср. Рим. VII, 7 сл.), развѣтвляющаяся на три главные страсти—похоть плоти или чувственность (ср. Рим. VIII, 7—8), похоть очей и гордость житейская,—на которыхъ, какъ на рычагъ, вертится лежащій во злѣ міръ и со стороны которыхъ искушалъ Самого Господа діаволъ въ пустынѣ (Мате. IV, 1—11 и др.); во-вторыхъ, не нужно любить міра и потому, что онъ не можетъ доставить намъ того постоянного и неизмѣннаго блага, къ которому мы стремимся, такъ какъ міръ и его желанія есть нѣчто текущее, преходящее, тогда какъ исполняющій волю Божию находитъ благо, навсегда пребывающее (ст. 17). «Мірскія похотѣнія непродолжительны и непостоянны, а что совершается по волѣ Божией, то продолжительно и вѣчно». (Теофил.).

18—19. Упомянувъ о томъ, что міръ приходитъ и близится къ гибели

20. Впрочемъ, вы имѣете помазаніе отъ Святаго и знаете все.

21. Я написалъ вамъ не потому, чтобы вы не знали истины, но потому, что вы знаете ее, *равно какъ* и то, что всякая ложь не отъ

истины.

22. Кто лжець, если не тотъ, кто отвергаетъ, что Іисусъ есть Христосъ? Это — антихристъ, отвергающій Отца и Сына.

23. Всякій, отвергающій Сына,

(ст. 17), Апостолъ теперь указываетъ наличность признаковъ близости наступленія «послѣдняго времени» (ἐσχάτη ὥρα) міра, т. е. близости заключительной эпохи міра и второго пришествія Господа (ср. Іак. V, 3, 8; 1 Пет. I, 5; IV, 7 и др.). Такимъ признакомъ Апостолъ называетъ явленіе антихриста, ὁ ἀντίχριστος, даже многихъ антихристовъ, ἀντίχριστοι, т. е. лжеучителей, испровергающихъ ученіе о Христѣ Спасителѣ и вмѣстѣ все дѣло Христа, ст. 22—23; IV, 3; 2 Іоан. 7. Апостолъ свидѣтельствуетъ, что о пришествіи этихъ антихристовъ вѣрующіе уже ранѣе слышали—разумѣется, изъ ученія и преподаваній Самого Спасителя (Іоан. V, 43; Мате. XXIV, 24), а еще болѣе изъ ученія Ап. Павла о «противникѣ», ὁ ἀντιθέμενος, 2 Сол. II, 2—10. Вводя здѣсь новое названіе противниковъ Христа и Его ученія, Апостолъ различаетъ антихриста, тождественнаго съ «противникомъ» (2 Сол. II), имѣющаго явиться предъ пришествіемъ Господа на послѣдній судъ, и антихристовъ, т. е. лжеучителей, начавшихъ появляться еще при Апостолахъ, особенно же къ концу апостольскаго вѣка (Симонъ волхвъ, Керинезъ, Николаиты, Докеты и др.). Всѣ они представители духа антихриста (IV, 3), который имѣетъ придти въ «послѣднее время» и дѣйствія котораго (какъ «звѣрія», θηρίον) Апостолъ Іоаннъ подробно изображаетъ въ апокалипсисѣ (гл. XIII). Здѣсь же Апостолъ, предостерегая вѣрующихъ отъ соблазновъ со стороны лжеучителей, отмѣчаетъ, что лжеучители прежде принадлежали къ церкви, но затѣмъ отдѣлились отъ нея, какъ не имѣвшіе съ нею внутреннихъ связей. «Для чего же антихристы изъ учениковъ Господнихъ? Для того, чтобы имѣть довѣріе обольщаемыхъ, чтобы обольщаемые думали, что они, какъ изъ числа учениковъ, проповѣдуютъ ученіе по мыслямъ Учителя, а не совершенно противъ Его проповѣди. Посему, говорите, «отъ насъ». «Изыдоша», т. е. хотя были учениками, но отстали отъ истины и выдумали собственные хулы. «Не бѣша отъ насъ», т. е. изъ части спасаемыхъ. Ибо въ противномъ случаѣ они остались бы въ союзѣ съ своими» (бл. Теофил.).

20—21. Апостолъ не считаетъ необходимымъ подробное раскрытіе объ антихристахъ или лжеучителяхъ: какъ христіане, читатели посланія обладаютъ яснымъ сознаніемъ истины изъ непогрѣзительнаго источника—отъ Божественнаго дара «помазанія отъ Святаго» (χρίσμα ἀπὸ τοῦ Ἁγίου), т. е. Іисуса Христа, ср. ст. 27), преподающаго всѣмъ вѣрующимъ дары Святаго Духа чрезъ особое видимое дѣйствіе (2 Кор. I, 21; Ефес. IV, 30), дополняющее крещеніе (Дѣян. VIII, 14—17; X, 47—48). Апостолъ пишетъ не для наученія новому, а для напоминанія и утвержденія читателей въ извѣстномъ имъ съ первыхъ дней ихъ христіанскаго бытія. «Помазаніе», благодать Святаго Духа, дарованная христіанину вслѣдъ за крещеніемъ, въ миропомазаніи, даетъ христіанину вѣрный принципъ для распознаванія христіанской истины отъ ея искаженія; конечно, христіане, въ силу благодати помазанія называемые «царями и священниками Богу» (Апок. I, 6), знаютъ «все» (πάντα) не въ абсолютномъ, а въ ограничительномъ смыслѣ: знаютъ истину благовѣстія Евангельскаго, истину дѣла спасенія, совершеннаго Христомъ Спасителемъ, Сыномъ Божиимъ.

22—23. Упомянувъ въ ст. 18 о появленіи уже многихъ антихристовъ

не имѣтъ и Отца; а исповѣдующій Сына имѣтъ и Отца.

24. Итакъ, что вы слышали отъ начала, то и да пребываетъ въ васъ; если пребудетъ въ васъ то, что вы слышали отъ начала, то и вы пребудете въ Сынѣ и въ Отцѣ.

25. Обѣтованіе же, которое Онъ обѣщалъ намъ, есть жизнь вѣчная.

26. Это я написалъ вамъ объ

обольщающихъ васъ.

27. Впрочемъ, помазаніе, которое вы получили отъ Него, въ васъ пребываетъ, и вы не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ; но какъ самое сіе помазаніе учитъ васъ всему, и оно истинно и неложно, то чему оно научило васъ, въ томъ пребывайте.

28. Итакъ, дѣти, пребывайте

или лжеучителей, Апостолъ здѣсь указываетъ сущность ихъ пагубнаго лжеученія со всѣми, вытекающими изъ него, слѣдствіями. Суть антихристіанскаго ученія, по Апостолу, заключается въ отрицаніи того, что Іисусъ есть Мессія—Христосъ, пришедшій для спасенія людей. Всякій лжеучитель, отрицающій эту основную истину христіанства, есть лжецъ (*ψεῦδης*) въ преимущественномъ смыслѣ, истинный антихристъ, вмѣстѣ съ непризнаніемъ Сына Божія, лишаящій себя и всякаго Богопознанія: «всякій отвергающій Сына, не имѣтъ и Отца» (23 ст.)—такъ какъ только изъ познанія свойствъ и дѣйствій Сына можно узнать свойства и дѣйствія Бога Отца, по слову Самого Господа: *видѣвый Мене видѣ Отца...* *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ естъ* (Іоан. XIV, 9, 10).

Такъ, безспорно, что непризнаніе Сына затворяетъ путь къ познанію и Отца. «Іудеи отвергають Сына и присвоаютъ себѣ знаніе Отца. Но пусть они знаютъ, что они и Отца еще не познали, ибо, если бы узнали Его, то узнали бы и Сына, потому что Онъ есть Отецъ и Сынъ Единороднаго» (бл. Теофил.). Но для спасенія нужна не только вѣра въ Сына Божія и познаніе Его, какъ и Отца, но исповѣданіе Его, т. е. свидѣтельствованіе словомъ и дѣломъ своей вѣры въ Него (Матѣ. X, 32—33; Рим. 9—10; 1 Тим. VI, 12—13).

24—25. Антихристіанскому лжеученію Апостолъ противопоставляетъ евангельское благовѣстіе, слышанное каждымъ вѣрующимъ въ началѣ христіанской жизни. Апостолъ убѣждаетъ христіанъ неизмѣнно, безъ всякихъ измѣненій и прибавленій, хранить принятую христіанскую истину, говоря, что подъ условіемъ пребыванія ея въ нихъ, осуществится пребываніе ихъ въ Сынѣ и вѣчная ихъ жизнь,—по обѣтованію Спасителя (см. Іоан. XVII, 21, 2, 3). «Храните у себя то, что слышали отъ начала, именно, что Христосъ есть Богъ; ибо это значать слова: въ васъ да пребываетъ. Если пребудетъ въ васъ то, что вы слышали отъ начала, то и вы пребудете въ Сынѣ и въ Отцѣ, т. е. будете въ общеніи съ Нимъ» (бл. Теофил.).

26. Окончивъ рѣчь о лжеучителяхъ, Апостолъ кратко обозначаетъ содержание предыдущей рѣчи, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и цѣль ея—предотвратить пагубное вліяніе обольстителей на читателей посланія.

27—28. Возвращаясь къ рѣчи ст. 20, Апостолъ теперь подробнѣе говорить о животворной и просвѣщающей силѣ того благодатнаго помазанія, того сообщенія благодати Святого Духа, которое приняли христіане отъ Сына Божія. «Слова: «вы не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ» нужно понимать не въ отношеніи къ каждому члену Церкви персознъ, такъ какъ въ ней есть и дѣти, имѣющія нужду въ наученіи, дѣти и по возрасту и по знанію, требующія наставленія, вразумленія, ученія... Для всего этого есть и должны быть въ Церкви отцы, учителя, воспитатели, врачи духовные. Но въ общемъ,

въ Немъ, чтобы, когда Онъ явится, имѣть намъ дерзновеніе и не постыдиться предъ Нимъ въ пришествіе Его.

29. Если вы знаете, что Онъ праведникъ, знайте и то, что всякій, дѣлающій правду, рожденъ отъ Него.

въ сущности, Церковь Христова имѣетъ столько спасительнаго вѣдѣнія и столько спасительныхъ средствъ познанія вѣры, что можетъ не имѣть и не имѣетъ никакой нужды ни въ какомъ иномъ ученіи, ни въ какихъ иныхъ учителяхъ, которые вздумали бы учить чему-либо другому, несогласному съ ученіемъ апостольскимъ, хранимымъ въ Церкви» (Еписк. Михаилъ). Вѣрующихъ научаетъ Самъ Духъ Святой, изливающий на нихъ дары Свои (Іоан. XV, 15; XVI, 12—13). По существу своему «помазаніе» есть творческое дѣйствіе всей Пресвятой Троицы, 2 Кор. I, 21—22.

Въ ст. 28 Апостолъ указываетъ новое сильное побужденіе для христіанъ непоколебимо пребывать въ истинѣ евангельскаго благовѣстія: въ виду близости «послѣдняго времени» (ср. ст. 18), христіане должны всегда быть готовы предстать на судъ Христовъ—такъ, «чтобы имѣть дерзновеніе и не постыдиться предъ Нимъ въ пришествіе Его». Такъ, «сказать о появленіи антихристовъ и о томъ, что все ихъ ученіе развращенно, и достаточно убѣдивъ (вѣрующихъ) непреложно содержать то ученіе, которымъ они оглашены, Апостолъ упоминаетъ потомъ о назначенной за это наградѣ, чтобы свѣтлостію награды какъ бы еще болѣе укрѣпить ихъ... Ибо что можетъ быть славнѣе или желательнѣе дерзновенія, т. е. того, чтобы, когда мы будемъ открывать труды наши въ настоящей жизни, могли это сдѣлать съ дерзновеніемъ, нисколько не стыдясь въ пришествіи Его» (Феофил.).

29. Если доселѣ въ разъясненіи Богообщенія Апостолъ выходилъ изъ понятія, что *Богъ свѣтъ есть, и тьмы въ Немъ нѣтъ ни единыя* (I, 5), то теперь онъ при раскрытіи того же предмета пользуется понятіемъ рожденія отъ Бога; поэтому, если въ первыхъ двухъ главахъ посланія общеніе съ Богомъ представлялось, какъ хожденіе въ свѣтъ, то теперь оно разсматривается, какъ благодатное богосыновство, и это послѣднее понятіе раскрывается у Апостола сначала со стороны его признаковъ (II, 9—III, 24а), а затѣмъ—со стороны его источника (III, 24б—IV, 21). Первый признакъ духовнаго, благодатнаго рожденія христіанина отъ Бога составляетъ дѣланіе правды по примѣру праведнаго Бога и Христа (ст. 29). «Иные могли спросить: что же дѣлать, чтобы сдѣлаться благоугодными Ему? Апостолъ и этому научаетъ, говоря: если вы познали, что Онъ праведенъ, то, безъ сомнѣнія, знаете и то, что дѣлающій правду рожденъ отъ Него, ибо праведный рождаетъ праведныхъ. А сколь высокую честь и дерзновеніе доставляетъ это, всякій изъ васъ знаетъ, равно какъ и то, какова и колика любовь и благодать, которую Онъ подаетъ вамъ» (Феофил.).

ГЛАВА III.

1. Смотрите, какую любовь далъ намъ Отецъ, чтобы намъ называться и быть дѣтьми Божиими. Міръ потому не знаетъ насъ, что не позналъ Его.

2. Возлюбленные! мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что

когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть.

3. И всякій, имѣющій сію надежду на Него, очищаетъ себя, такъ-какъ Онъ чистъ.

4. Всякій, дѣлающій грѣхъ, дѣ-

III.

Дѣти Божіи и дѣти діавола (1—10). Братская любовь къ ближнему и ненависть (11—18). Успокоеніе сердца въ Богѣ (19—22). Вѣра и любовь (23—24).

1. Установивъ (въ II, 29) органически тѣсную связь между праведностью и благодатнымъ рожденіемъ христіанъ отъ Бога, Апостолъ теперь далѣе раскрываетъ понятіе благодатнаго богосыновства, чтобы яснѣе отгнѣнить упомянутую связь, не только какъ необходимую по самому понятію рожденія отъ Праведнаго, но и какъ нравственно обязательную для облагодѣтельствованныхъ. Самъ всегда имѣя какъ бы предъ глазами великое дѣло искупленія человечества во Христѣ, Апостолъ восторженно предлагаетъ (ст. 1) и чѣтателямъ благоговѣнно погружаться въ духовное созерцаніе той недомыслимой любви Отца Небеснаго къ людямъ (ср. Іоан. III, 16), въ силу которой Онъ въ таинствѣ искупленія во Христѣ даровалъ всѣмъ людямъ быть и именоваться дѣтьми Божиими. Величіе этого божественнаго дара, обязывающаго обладающихъ имъ христіанъ къ постоянному совершенствованію, Апостолъ доказываетъ отъ противнаго—тѣмъ, что враждебный Богу міръ и потому не вѣдающій Бога не знаетъ и этого высокаго преимущества христіанъ—ихъ богосыновства: такъ переродила ихъ любовь и благодать Божія, утвердивши ихъ жизнь на совершенно новыхъ началахъ, что они сдѣлались чуждыми и непонятными міру. «Вы знаете, что Онъ (Христосъ) далъ вамъ право быть и почитаться дѣтьми Божиими. Если же принадлежащіе міру не знаютъ сего, т. е. того, что вы дѣти Божіи, сему не удивляйтесь; ибо они не знаютъ и Того, Кто усыновилъ васъ» (бл. Теофил.).

2. Еще выше и непостижимѣе для самихъ чадъ Божіихъ будущее блаженство вѣрующихъ: изображая блаженство праведниковъ въ будущемъ мірѣ, слово Божіе представляетъ его лишь въ общихъ чертахъ (ср. 1 Петр. I, 4, 8; 2 Тим. IV, 8 и др.), не касаясь самой его сущности. Извѣстно лишь, что условіемъ будущаго блаженства является наше уподобленіе Богу (ср. Мате. V, 48) въ праведности, милосердіи, святости и др. совершенствахъ, и что источникомъ неизреченнаго блаженства для праведниковъ будетъ лицезрѣніе Божіе, когда они будутъ зрѣть Бога не тускло и гадательно, а какъ бы лицомъ къ лицу (1 Кор. XIII, 12),—«чистые увидятъ Чистаго, праведные—Праведнаго, ибо подобные пристанутъ къ Подобному» (Теофил.).

3—4. Изъ понятія рожденія вѣрующихъ отъ Бога (II, 29), ихъ высокаго благодатнаго богосыновства въ настоящемъ (III, 1) и неизреченнаго

лаетъ и беззаконіе; и грѣхъ есть беззаконіе.

5. И вы знаете, что Онъ явился для того, чтобы взять грѣхи наши, и что въ Немъ нѣтъ грѣха.

6. Всякій, пребывающій въ Немъ, не согрѣшаетъ; всякій согрѣшающій не видѣлъ Его и не позналъ Его.

7. Дѣти! да не обольщаетъ васъ

никто. Кто дѣлаетъ правду, тотъ праведенъ, подобно какъ Онъ праведенъ.

8. Кто дѣлаетъ грѣхъ, тотъ отъ діавола, потому что сначала діаволъ согрѣшилъ. Для сего-то и явился Сынъ Божій, чтобы разрушить дѣла діавола.

9. Всякій, рожденный отъ Бога, не дѣлаетъ грѣха, потому что сѣмъ

блаженства въ будущемъ (ст. 2) для всякаго имѣющаго христіанскую надежду на блаженную вѣчность необходимый долгъ—постоянно очищать себя отъ всякихъ грѣховныхъ приращеній по образцу чистаго и безгрѣшнаго Христа, такъ какъ только чистые сердцемъ могутъ видѣть Бога (Матѣ. V, 8). Этотъ нравственно-практическій выводъ изъ ученія о духовномъ возрожденіи христіанъ и ихъ высокомъ достоинствѣ дѣтей Божіихъ Апостолъ далѣе (ст. 4) подкрѣпляетъ отрицаніемъ противоположнаго тезиса, вѣроятно, высказывавшагося еретиками-антиномистами, о допущеніи грѣха въ христіанѣ: Апостолъ: со всею рѣшительностью доказываетъ полную несовмѣстимость грѣха съ достоинствомъ возрожденныхъ христіанъ. Апостолъ говоритъ какъ бы такъ: «вы, усыновленные, дѣлайте правду и не показывайте себя правдыми отъ нея. Ибо какъ въ отношеніи грѣха не тотъ грѣшникъ или беззаконникъ, кто совершилъ или совершитъ грѣхъ, но тотъ, кто держится зла и дѣлаетъ зло, такъ и праведенъ не тотъ, кто не дѣйствуетъ, но тотъ, кто дѣлаетъ правду. Грѣхъ даже неумѣстенъ въ васъ, ибо Христосъ явился для разрушенія грѣха, и какъ самъ былъ непричастенъ грѣху, такъ и вамъ, соединившимся съ Нимъ и утвержденнымъ вѣрою въ Него, не остается уже мѣста грѣшиться... Нужно также знать, что грѣхомъ называется отпаденіе отъ добра, а беззаконіемъ—нарушеніе положительнаго закона» (бл. Теофил.). Нарушитель же закона Божія есть преступникъ противъ него, и уже не дитя Божіе, а общникъ и сынъ діавола.

5—6. Апостолъ теперь, ссылаясь на собственный внутренній опытъ и христіанское познаніе читателей, еще далѣе раскрываетъ несовмѣстимость грѣха съ состояніемъ возрожденнаго во Христѣ, указывая на то, что цѣлью самаго явленія Христа было принести умиловительную жертву за грѣхи всѣхъ и уничтожить отвѣтственность вѣчнаго осужденія за нихъ предъ Богомъ (ср. II, 2; см. 1 Петр. II, 21, 24), при чемъ самое общеніе христіанъ съ Безгрѣшнымъ Христомъ Спасителемъ обязываетъ ихъ не грѣшиться; допустимы лишь грѣхи немощи и слабости природы человѣческой. «Всякій согрѣшающій не видѣлъ Его и не позналъ Его»—«подъ видѣніемъ Его разумѣть не видѣніе простымъ прикосновеніемъ глаза или легкимъ воспроизведеніемъ въ своемъ воображеніи чего-либо извѣстнаго, но нежеланіе сколько-нибудь обсудить и разузнать дѣло и присоединиться къ Нему» (Теофил.).

7—9. Въ виду возможныхъ или уже имѣвшихъ мѣсто въ дѣйствительности перетолкованій евангельскаго благовѣстія и нравственнаго христіанскаго ученія Апостолъ настойчиво разъясняетъ—противъ всякаго антиномистическаго лжеученія,—полную несообразность грѣха и грѣховности съ цѣлымъ ученіемъ, догматическимъ или этическимъ, христіанства (ст. 7), съ существомъ искупительнаго дѣла Христова (ст. 8) и съ основною природою богосыновняго отношенія къ Тріединному Богу (ст. 9). Какъ праведность че-

Его пребываетъ въ немъ; и онъ не можетъ грѣшнѣть, потому что рожденъ отъ Бога.

10. Дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: всякій, не дѣлающій правды, не есть отъ Бога, равно и не любящій брата своего.

11. Ибо таково благовѣствованіе, которое вы слышали отъ начала, чтобы мы любили другъ друга,

12. не такъ, какъ Каинъ, который былъ отъ лукаваго, и убилъ

брата своего. А за что убилъ его? За то, что дѣла его были злы, а дѣла брата его праведны.

13. Не дивитесь, братія мои, если міръ ненавидитъ васъ.

14. Мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ; не любящій брата пребываетъ въ смерти.

15. Всякій, ненавидящій брата своего, есть человекоубійца; а вы знаете, что ни какой человеко-

ловѣческая есть знакъ и слѣдствіе рожденія человека-христіанина отъ Бога (ст. 7, сн. II, 29), такъ сознательная, упорная грѣховность есть показатель родства человека съ діаволомъ—первоисточникомъ всякаго зла и грѣха (ст. 8, сн. Іоан. VIII, 44). По объясненію Св. Іоанна Златоуста, «всякій разъ, какъ мы грѣшимъ, мы рождаемся отъ діавола, а всякій разъ, какъ совершаемъ добродѣтель, рождаемся отъ Бога, потому что съмѣя Его пребываетъ въ насъ» (ст. 9). «Съменемъ называетъ Духа, Котораго мы получаемъ чрезъ крещеніе, и Который, пребывая въ насъ, дѣлаетъ умъ нашъ недопускающимъ грѣха. Если же кто не родится отъ Бога, тотъ не получаетъ Духа Святаго». И такъ, обитающій въ христіанинѣ Духъ Божій, конечно, при участіи доброй воли человека-христіанина, постепенно, болѣе и болѣе, удаляетъ его отъ грѣховъ.

10—12. Усиливая мысль ст. 8, Апостолъ говоритъ, что чуждъ Бога и свойственникъ діаволу не только тотъ, кто сознательно грѣшнѣтъ, но и тотъ, кто а) не дѣлаетъ правды, б) не любитъ брата своего,—съ тѣмъ вмѣстѣ оканчивается данная Апостоломъ характеристика дѣтей Божіихъ и дѣтей діавола (ст. 10). Обосновывая далѣе положеніе, что не любящій брата—не отъ Бога, Апостолъ напоминаетъ христіанамъ, что заповѣдь о любви христіанъ другъ къ другу вѣдома читателямъ съ самаго начала ихъ христіанскаго состоянія (ст. 11), разумѣется, изъ ученія Самого Господа (Іоан. XIII, 34—35; XV, 12—13), возвышеннаго людямъ Апостолами. А чтобы еще болѣе отгнѣнить нравственную обязательность взаимной любви въ христіанскомъ обществѣ, Апостолъ на историческомъ примѣрѣ Каина показываетъ (ст. 12), къ какимъ страшнымъ послѣдствіямъ приводитъ нарушеніе заповѣди о любви. «Апостолъ примѣромъ подтверждаетъ, сколь великое зло—ненавидѣть брата. Смотрите, говоритъ, вотъ Каинъ возненавидѣлъ брата и убилъ его, не смотря на то, что онъ былъ родной братъ его. Каинъ имѣлъ злыя дѣла отца своего діавола, Авель же, дѣлая правду, былъ сыномъ въ отношеніи къ Богу. Здѣсь діаволъ противопоставляется Богу, и злыя дѣла—добрымъ. Потому то Каинъ, противоположный брату, убилъ его» (бл. Теофил.). Выраженіемъ «заклалъ», *εσφαζε*, нѣрѣдко означаящимъ жертвенное закланіе (Апок. V, 6, 9, 12; VI, 4, 9 и др.), отгнѣняется невинная и мученическая смерть Авеля.

13—15. Съ момента братоубійства Каина, антагонизмъ между дѣтми Божіими и дѣтми діавола, между Богомъ и міромъ никогда не прекращался. Та же самая вражда зла противъ добра существуетъ и въ данное время: Каина олицетворяетъ теперь боговраждебный міръ, а Авеля—истинные христіане, чада Божіи, ненавидимыя міромъ (ст. 13, сн. Іоан. XV, 20; XVI, 2). Ненависть, по Апостолу, есть признакъ, даже синонимъ смерти, христіане

убійца не имѣть жизни вѣчной,
ѣ немѣ пребывающей.

ч 16. Любовь познали мы въ томѣ,
то Онѣ положилъ за насѣ душу
Свою: и мы должны полагать души
свои за братьевѣ.

17. А кто имѣетъ достатокѣ въ

мїрѣ, но, видя брата своего въ
нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце
свое, — какѣ пребываетъ въ томѣ
любовь Божіа?

18. Дѣти мои! станемѣ любить
не словомѣ или языкомѣ, но дѣ-
ломѣ и истиною.

же чрезѣ свою любовь къ ближнимѣ пережили нѣкое духовное воскресеніе или оживленіе (ср. Іоан. V, 24), ненависть же къ брату означаетъ не только состояніе духовной смерти человѣка ненавидящаго (ст. 14б), но и то, что такой человѣкъ духовно, если не тѣлесно, совершаетъ братоубійство, подобное Каинову; является «человѣкоубійцею» (ст. 15), каковое названіе Христосѣ приложилъ къ діаволу (Іоан. VІІІ, 44); ненависть, по мысли Апостола, равна убійству, какѣ и Христосѣ Спаситель гнѣвающегося на ближняго осуждаетъ, какѣ убійцу (Мате. V, 21, 22).

16—18. Какѣ ненависть къ ближнему наиболѣе отдаляетъ человѣка отъ Бога и сильнѣе всего дѣлаетъ его общникомѣ и сыномѣ діавола, такѣ именно чрезѣ любовь къ ближнимѣ христіанинѣ наиболѣе сближается съ Христомѣ Богомѣ, усваяя себѣ богоугодное настроеніе. Именно Христосѣ Спаситель въ Своемѣ Богочеловѣческомѣ подвигѣ явилъ высочайшую любовь, положивъ за насѣ душу или жизнь Свою (ср. Іоан. X, 11, 15, 18; XІІІ, 37, 38; XV, 13 и др.); въ силу нравственной солидарности со Христомѣ, обязательной для всѣхѣ христіанѣ (ср. Фил. ІІ, 5), въ силу того, что христіане обрѣли истинную жизнь только чрезѣ Христа (выше, ст. 14), для всѣхѣ христіанѣ обязательна самоотверженная, по примѣру Господа, любовь къ ближнимѣ, готовая положить душу за братьевѣ (ст. 16, см. Іоан. XV, 13). Но этому принципиальному величію подвига самоотверженной христіанской любви Апостолѣ сейчасѣ (ст. 17) противопоставляетъ совершенно иное отношеніе къ ближнему, взятое изъ отношеній житейскихѣ, каковы: а) черствая нечувствительность къ самымѣ обыденнымѣ насущнымѣ потребностямѣ ближнихѣ, когда человѣкъ какѣ бы искусственно притупляетъ чувствительность своего сердца, дѣла его невоспримчивымѣ къ жалости и состраданію (ст. 17), и б) любовь лицемерная, не идущая далѣе безсодержательныхѣ словъ мнимаго участія (ст. 18). Желая показать всю несовмѣстимость такой ложной любви, такого отношенія къ ближнему съ идеаломѣ истинной самоотверженной любви, Апостолѣ спрашиваетъ: «какѣ пребываетъ въ томѣ (человѣкъ такого настроенія) любовь Божіа?» (ст. 17). «Любовь преклонила Господа положить душу Свою за насѣ; по Его примѣру и мы должны полагать душу за братьевѣ. Но какѣ это дѣлается рѣдко, то Апостолѣ, какѣ бы пристыжая вѣрныхѣ, начинаетъ съ небольшого, убѣждаетъ къ братолюбію. Онѣ какѣ бы такѣ говоритъ: чтѣ говорить о полаганіи души за брата, когда мы видимѣ, что не удовлетворяютъ братьевѣ своихѣ въ необходимомѣ для жизни не бѣдные въ средствахѣ—объ этихѣ я не говорю,—но владѣющіе богатствомѣ дѣлаго мїра? Посему, да постыдятся! Ибо, если затворили сердце въ этомѣ маломѣ, и явились недостойными любви Божіей: чтѣ показали бы, когда бы потребовалось большее—умереть за брата? Потомѣ и еще продолжаетъ обличать тѣхѣ, которые ограничиваютъ любовь словомѣ и обнаруживаютъ ее только на языкѣ. Станемѣ, говорить, любить не словомѣ или языкомѣ, но дѣломѣ и истиною» (бл. Теофіл.). Только искренняя дѣятельная любовь носитъ благословеніе въ самой себѣ, о чемѣ далѣе и говоритъ Апостолѣ.

19. И вотъ, почему узнаемъ, что мы отъ истины, и успокоиваемъ предъ Нимъ сердца наши;

20. ибо если сердце наше осуждаетъ насъ, то *колыми* *наше* *Богъ*, потому что Богъ больше сердца нашего и знаетъ все.

21. Возлюбленные! если сердце наше не осуждаетъ насъ, то мы имѣемъ дерзновение къ Богу,

22. и чего ни просимъ, получимъ отъ Него, потому что соблюдаемъ заповѣди Его и дѣлаемъ благоугодное предъ нимъ.

23. А заповѣдь Его та, чтобы мы вѣровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили другъ друга, какъ Онъ заповѣдалъ намъ.

24. И кто сохраняетъ заповѣди Его, тотъ пребываетъ въ Немъ,

19—20. Заключая свою рѣчь о необходимости для христіанъ дѣятельной любви къ ближнимъ (ст. 17—18), Апостолъ въ этой любви указываетъ вѣрный признакъ того, что христіане стоятъ на пути истины (какъ и Христосъ Спаситель въ любви указалъ отличительный признакъ истинныхъ учениковъ Его, Іоан. XIII. 35). «О семъ», т. е. почему узнаемъ? По тому, что любимъ брата не словомъ, но дѣломъ и истинною. Что узнаемъ? То, что мы отъ истины. Какъ узнаемъ? Такъ, что говорящій одно, а дѣлающій другое, не соглашающій дѣла со словомъ, есть лжецъ, а не истиненъ» (бл. Теофил.). Но кромѣ очевиднаго соотвѣтствія слова о любви съ дѣломъ любви, Апостолъ указываетъ еще и внутреннее свидѣтельство нравственнаго совнанія или собственной совѣсти христіанъ: «успокоиваемъ предъ Нимъ сердца наши» (ст. 19б). «Это значитъ: чрезъ истинность (а истинствовать мы будемъ тогда, когда словамъ нашимъ будутъ соотвѣтствовать дѣла) мы успокоимъ совѣсть свою. Ибо словомъ «сердце» онъ называетъ совѣсть. Какъ же успокоимъ? Поставивъ себя въ такое положеніе, чтобы произносить намъ слова предъ свидѣтелемъ Богомъ; ибо это значать слова: «предъ Нимъ» (бл. Теофил.). Но если нравственное поведеніе наше небезупречно на нашъ взглядъ, по суду нашей совѣсти, то тѣмъ большіе недостатки будутъ найдены въ насъ всеправеднымъ судомъ Божиимъ: «если сердце наше осуждаетъ насъ, то *колыми* *наше* *Богъ*; потому что Богъ больше сердца нашего, и знаетъ все» (ст. 20). Блаж. Теофилактъ такъ передаетъ смыслъ этого труднаго для пониманія стиха: «и если мы во время грѣха не можемъ укрываться отъ совѣсти своей, которая ограничена, какъ и человекъ—существо ограниченное, то тѣмъ болѣе не можемъ укрыться отъ Бога, безпредѣльнаго и вездѣсущаго».

21—22. Рѣчь ст. 21, по формѣ напоминающая противоположное выраженіе ст. 20, по мысли представляетъ раскрытіе ст. 19: при спокойствіи совѣсти, христіанинъ получаетъ не только успокоеніе духа, но и нѣкоторое «дерзновеніе» къ Богу, т. е. дѣтскую довѣрчивость, увѣренность въ благодатной близости къ Богу, въ Его любви къ человеку, и въ томъ, что всякая законная и достойная Бога молитва его будетъ услышана (ст. 24). «При дерзновеніи несомнѣнно получимъ все, что ни попросимъ отъ Него. Почему? Потому что соблюдаемъ заповѣди Его. Ибо кого просить, того весьма много преклоняеть къ выслушанію благопокорность просителей, только бы просили не сомнѣваясь. А какъ мы соблюдаемъ заповѣди Его и дѣлаемъ угодное предъ нимъ, то и будемъ надѣяться, что молитвы наши не будутъ напрасны.

23—24. Апостолъ доселѣ особенно настаивалъ на исполненіи заповѣди о братской любви. Но рядомъ съ любовью къ ближнимъ и даже прежде нея требуется вѣра въ Бога и въ Господа Иисуса Христа, какъ основаніе христіанской жизни. Это—сокращеніе всего закона и Евангелія, и Апостолъ

и Онъ въ томъ, а что Онъ пре- | который Онъ далъ намъ.
бываетъ въ насъ, узнаемъ по духу,

ГЛАВА IV.

1. Возлюбленные! не всякому | много лжепророковъ появилось въ
духу вѣрѣте, но испытывайте ду- | міръ.
ховъ, отъ Бога ли они, потому что

объединяетъ оба основныя требованія христіанства въ одну «заповѣдь», *ἐντολή* (ст. 23): первая половина этой заповѣди—о вѣрѣ въ Христа, вторая—о любви другъ къ другу; вѣра—основаніе любви, любовь есть плодъ или дѣйствіе вѣры; съ истинною живою вѣрою любовь дана, какъ свѣтъ и тепло съ солнцемъ. Такова *вѣра, дѣйствующая любовью*, о которой училъ и Ап. Павелъ (Гал. V, 6). Этимъ совершенно исключаются—какъ отрицаніе безусловной необходимости вѣры при нравственной дѣятельности (антидогматизмъ), такъ и приниженіе или подавленіе нравственной дѣятельности при вѣрѣ (аморализмъ).

Вѣрующій въ Христа и любящій ближнихъ обитаетъ въ Богѣ и самъ становится обителемъ всей Пресвятой Троицы (ст. 24), по обѣтованію Самого Спасителя (Іоан. XIV; 16 сл. XVІІ, 21, 23; XV, 7). Залогомъ же, признакомъ или свидѣтельствомъ пребыванія въ насъ Бога является ниспосланный всей Церкви и ниспосылаемый отдѣльнымъ членамъ ея Духъ Святыи съ Его благодатными дарованіями (ср. II, 20, 27; IV, 10, 13; 2 Кор. I, 22; Ефес. I, 13; 1 Кор. XII, 4 и др.). «Цѣлая мысль: вы должны вѣровать во имя Сына Его. Иисуса Христа и любить другъ друга истинно, какъ онъ заповѣдалъ. Ибо соблюдающій заповѣдь въ Немъ пребываетъ, и Онъ въ немъ. А что Онъ пребываетъ въ насъ, это мы узнаемъ по духу или по дарованію, которое Онъ далъ намъ» (бл. Теофил.). Отсюда Апостолъ переходитъ къ различенію духовныхъ дарованій, истинныхъ отъ ложныхъ и мнимыхъ.

IV.

Отличительные признаки Духа отъ Бога и духа антихриста (1—6). Любовь Божія и любовь къ Богу (7—10). Любовь къ ближнимъ (11—12). Обязанность христіанъ любить Бога и братьевъ и исповѣдать, что Иисусъ есть Сынъ Божій (13—16). Совершенство христіанской любви въ деревновеніи въ день Суда (17—18). Неразрывная связь между любовью къ Богу и любовью къ ближнимъ (19—21).

1. Упомянувъ (въ III, 24) о благодатныхъ дарованіяхъ Святого Духа, присущихъ христіанамъ, Апостолъ теперь считаетъ необходимымъ предостеречь читателей отъ возможной опасности со стороны злоупотребляющихъ упомянутыми дарованіями. Въ первенствующей Церкви было обиліе духовныхъ дарованій, подаваемыхъ Духомъ Святымъ на пользу Церкви (1 Кор. VII, 7—11): учительство, пророчество, чудесныя исцѣленія, глоссолалія и др. были проявленіями Божественнаго Духа въ вѣрующихъ. Но рядомъ и по подобію съ истиннымъ вдохновеніемъ отъ Духа Святого, съ истинными учите-

2. Духа Божія (и духа заблужденія) узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога.

3. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста о которомъ вы слышали, что онъ придетъ и теперь есть уже въ мірѣ.

4. Дѣти! вы отъ Бога, и побѣдили ихъ; ибо Тотъ, Кто въ васъ, больше того, кто въ мірѣ.

5. Они отъ міра потому и говорятъ по-мірски, и міръ слушаетъ ихъ.

6. Мы отъ Бога: знающій Бога слушаетъ насъ; кто не отъ Бога, тотъ не слушаетъ насъ. По сему-то узнаемъ духа истины и духа заблужденія.

лами и чудотворцами, выступило ложное вдохновеніе отъ духа тьмы—дѣвола, явились ложные учителя, одушевляемые духомъ антихристіанскимъ, которые легко могли прельщать и увлекать за собою нетвердыхъ членовъ христіанской общины. Посему отъ такихъ «духовъ» или «лжепророковъ» и предостерегають христіанъ Ап. Іоаннъ—«присовокупляетъ признаки для различія истинныхъ братьевъ и ближнихъ, дабы мы, имѣя въ виду это различіе, по поводу заповѣди о любви не вошли въ близкія отношенія съ лжебратьями, лжеапостолами и лжепророками и тѣмъ не причинили себѣ великаго вреда. Ибо, имѣя общеніе съ ними, какъ единоправными, мы, во-первыхъ, повредимъ сами себѣ, безъ опасенія сообщая ученіе вѣры нечестивымъ и повергая святыню псамъ, потомъ повредимъ тѣмъ, которые преданы намъ. Ибо любовь наша къ лжебратіямъ, лжепророкамъ и лжеапостоламъ многихъ расположить принимать ихъ за учителей и безъ осторожности вѣрять ихъ ученію, при чемъ они вдадутся въ обманъ изъ-за нашего обращенія съ ними» (бл. Теофил.).

2—3. Рѣшительнымъ признакомъ истиннаго пророка или учителя христіанскаго Апостолъ выставляетъ исповѣданіе имъ явленія Бога во плоти въ лицѣ Господа Иисуса Христа: это основной догматъ христіанства, въ прологѣ Евангелія Іоанна выраженный въ словахъ: *Слово плоть бысть* (Іоан. I, 14). Напротивъ, отвергающій эту основную истину Боговоплощенія тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ не отъ Бога, а отъ дѣвола и антихриста: таковы были, напр., докеты, о которыхъ упоминаетъ Св. Ириней Лионскій, а также, вѣроятно, и другіе подобные лжеучители такого же антихристіанскаго духа. Антихристъ въ строгомъ и тѣсномъ смыслѣ слова еще не пришелъ, но духъ антихриста уже во многихъ лжеучителяхъ дѣйствуетъ. «Апостолъ говоритъ, что антихристъ уже въ мірѣ, разумѣется, не самолично, а въ лицѣ лжепророковъ, лжеапостоловъ и еретиковъ, предваряющихъ и притоговляющихъ его пришествіе» (Теофил.). Точнѣе и ближе определить лжеученіе обличаемыхъ затруднительно, но во всякомъ случаѣ это—не гностическія еретическія ученія II вѣка, а неразвившіяся еще въ систему лжеученія I вѣка.

4—6. Въ утѣшеніе и подкрѣпленіе вѣрующихъ Апостолъ возвѣщаетъ имъ, что побѣда истиннаго ученія евангельскаго надъ лжеученіемъ несомнѣнна (ср. ниже V, 4), такъ какъ Духъ Божій или Духъ Христовъ, обитающій въ вѣрныхъ, безмѣрно больше того духа воли, который дѣйствуетъ въ боговраждебномъ мірѣ вообще, въ особенности же въ лжеучителяхъ. Это апостольское утѣшеніе вѣрующимъ вполне соответствуетъ изреченію Самого Господа къ ученикамъ въ Его прощальной бесѣдѣ: «держайте, ибо Я побѣдилъ міръ» (Іоан. XVI, 33), и подобно этому обѣтованію Господа, сильно было внести полное ободреніе въ сердца христіанъ. Но пастырская любовь и попеченіе

7. Возлюбленные! будемъ любить другъ друга, потомучто любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога;

8. кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потомучто Богъ есть любовь.

9. Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него.

10. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ воз-

Апостола обращаетъ и на другую сторону дѣла. Апостолъ «даетъ имъ еще другой признакъ для узнанія лжепророковъ, въ томъ, что немало печалило протестовъ изъ самыхъ вѣрныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ естественно могли скорбѣть, видя, что тѣхъ многіе принимаютъ весьма усердно, а ихъ презираютъ. Апостолъ и говоритъ: не скорбите, если многіе васъ презираютъ, а ихъ принимаютъ, ибо подобное стремится къ подобному. Они отъ міра и говорятъ мірское, т. е., учатъ плотскимъ пожеланіямъ, почему и слушателей имѣютъ такихъ же, т. е. развратные развратныхъ. А мы, будучи отъ Бога и удалившись отъ мірскихъ похотей, становимся для нихъ непріятными. Насъ же слушаетъ тотъ, кто живетъ цѣломудренно и посему знаетъ Бога и готовъ слушать насъ» (Θεοφιλ.). Въ послѣднихъ словахъ ст. 6 Апостолъ, суммируя все сказанное о различіи духовъ, «какъ бы прилагаетъ печать къ сказанному» (бл. Θεοφιλ.).

7—10. Раскрывъ ученіе объ истинномъ исповѣданіи вѣры въ воплотившагося Сына Божія и указавъ источникъ этого исповѣданія въ Богѣ (ст. 2) въ противоположность лжеученію лжепророковъ и антихристовъ, Апостолъ теперь показываетъ, что и вторая половина Божественной «заповѣди» (II, 23)—любовь къ ближнимъ, способность любить ихъ происходитъ также отъ Бога. Уясняя понятіе любви, Апостолъ ставитъ ее въ связь съ знаніемъ: подобно тому, какъ познаніе чего-либо предполагаетъ нѣкоторое родство познающаго съ познаваемымъ, и чѣмъ выше въ насъ расположеніе и интересъ къ предмету познанія, почему еще древніе говорили, что подобное познается подобнымъ,—такъ подобное явленіе имѣетъ мѣсто и въ религиозной жизни, и въ религиозномъ познаніи. Здѣсь, гдѣ только имѣетъ мѣсто истинная любовь, тамъ она образуетъ нѣчто пришедшее къ людямъ отъ Бога; кто любитъ, тому Богъ открылся, слѣдовательно, онъ знаетъ Бога; рожденный отъ Бога (II, 29; III, 9) и будучи чадомъ Бога (III, 1); любящій знаетъ Бога не только вѣрою, но и непосредственнымъ внутреннимъ чувствомъ. Напротивъ, не любящій ближняго, тѣмъ болѣе враждующій съ нимъ (III, 15), какъ человѣкъ душевный и не понимающій того, что происходитъ отъ Духа Божія (1 Кор. II, 14), неизбежно чуждъ правильнаго познанія о Богѣ—потому что *Богъ есть любовь* ὁ Θεὸς ἀγάπη ἐστίν (ст. 8). Это—безъ сомнѣнія, самое полное и самое глубокое опредѣленіе нравственной природы Бога, и богословіе никогда не могло совдѣдать болѣе высокаго и болѣе отвѣчающаго христіанскому понятію о нравственномъ существѣ Бога опредѣленія, какъ это опредѣленіе Апостола любви. Св. Григорій богословъ говоритъ: «Если бы у насъ кто спросилъ: что мы чувствуемъ и чему поклоняемся? Отвѣтъ готовъ: мы чтимъ любовь. Ибо, по изреченію Св. Духа, Богъ нашъ любви есть, и наименованіе это благоутробіе Богъ всякаго другого имени» (сл. XXIII).

Но возвѣщая ученіе о Богѣ, какъ о любви, Апостолъ имѣетъ дѣло не съ отвлеченною доктриною, а съ дѣйствительнымъ событіемъ величайшей всемірноисторической важности: съ неизмѣримымъ въ своемъ значеніи событіемъ посольства Богомъ въ міръ Единороднаго Сына Своего и принесенными Имъ на землю неоцѣненными благами жизни вѣчной (ст. 9). Въ этомъ именно

любилъ насъ и послалъ Сына Своего въ умиловленіе за грѣхи наши.

11. Возлюбленные! если такъ возлюбилъ насъ Богъ, то и мы должны любить другъ друга.

12. Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ дру-

открылась недомыслимая Любовь Божія къ міру и человѣчеству (ст. 9; ср. III, 16), и особенное величіе этой любви видно изъ того, что она дарована была грѣшнымъ людямъ безъ всякой съ ихъ стороны заслуги, напротивъ, при наличности тяжелой и многоразличной виновности ихъ предъ Богомъ (ст. 10; см. Рим. V, 8; VIII, 32). Такимъ образомъ источникъ любви заключается не въ человѣкѣ, а въ Богѣ.

«Какъ благодію называется потому, что по благодати создалъ міръ мысленный и чувственный, такъ, изъ любви къ намъ пославъ Единороднаго Сына Своего въ міръ, показалъ черезъ сіе, что Онъ есть и любовь» (бл. Теофил.).

11—12. Если такимъ образомъ любовь по своему существу происходитъ отъ Бога и, слѣдовательно, наша любовь есть пламя отъ Божественнаго пламени; если черезъ любовь Божію изъ враговъ сдѣлались дѣтьми Божіими, то любить нашихъ ближнихъ, даже нашихъ враговъ (ср. Мате. XVIII, 33), — нашъ святѣйшій долгъ (ст. 11). Кромѣ того, если любовь по сущности своей отъ Бога, то наша любовь къ ближнимъ замѣняетъ намъ недостатокъ непосредственнаго созерцанія Бога. Богъ совершенно недоступенъ чувственному созерцанію, и никто никогда не видѣлъ Бога ((ст. 12, сл. Іоан. I, 18; VI, 46) въ Его существѣ (см. 1 Тим. VI, 16), лишь въ будущей жизни праведники «узрятъ Его, якоже есть» (1 Іоан. III, 2; Мате. V, 8). Но если любить Бога для насъ первѣйшій долгъ, то возможное наше съ Нимъ общеніе совершеннѣйшимъ образомъ отражается въ нашей любви къ ближнимъ: любовь къ братьямъ показываетъ, что Богъ пребываетъ въ насъ, и любовь Божія во всей ея полнотѣ и совершенствѣ имѣетъ въ насъ свое обитаніе (ст. 12).

13—14. Благодатное тѣснѣйшее общеніе христіанъ съ Богомъ, составляющее цѣль человѣческой жизни, есть дѣйствительный фактъ, удостовѣренный непосредственнымъ христіанскимъ сознаніемъ: христіаннѣ внутренно убѣждены въ дѣйствительности обладанія имъ дарованіями Св. Духа (ст. 13). Но корень и этого благодатнаго общенія нашего съ Богомъ и любви нашей къ ближнимъ заключается въ событіи посланія Богомъ Сына Своего на спасеніе міра (ст. 14, см. ст. 9), что Апостолъ отъ себя и другихъ самовидцевъ Слова воплощеннаго и свидѣлствуетъ (ср. I, 1, 2). Бл. Теофилактъ даетъ такой перифразъ и такое толкованіе словъ Апостола въ ст. 11—14: «Говоря о любви къ братьямъ, Апостолъ въ примѣръ любви указалъ Бога, Который по любви къ намъ предалъ Единороднаго Сына Своего на смерть. Иной, выслушавъ сіе, могъ спросить: на какомъ же основаніи говоришь ты о предметахъ невидимыхъ? Въ отвѣтъ на такой вопросъ онъ говоритъ: я и самъ говорю то же, что Бога никто никогда не видалъ, но изъ любви другъ къ другу мы знаемъ, что Богъ есть въ насъ. И говорить это справедливо, потому что многіе невидимые для насъ предметы мы познаемъ изъ ихъ дѣйствій. Напримѣръ, души никто не видалъ, но изъ дѣйствій и движеній мы убѣждаемся, что она въ насъ есть и дѣйствуетъ. Такъ и любовь Божію къ намъ мы узнаемъ черезъ нѣкоторое движеніе и дѣйствіе... И сей божествен-

га, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ.

13. Что мы пребываемъ въ Немъ и Онъ въ насъ, узнаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ отъ Духа Своего.

14. И мы видѣли и свидѣтель-

ствуемъ, что Отецъ послалъ Сына Спасителемъ міру.

15. Кто исповѣдуетъ, что Иисусъ есть Сынъ Божій, въ томъ пребываетъ Богъ, и онъ въ Богѣ.

16. И мы познали любовь, которую имѣть къ намъ Богъ, и увѣровали въ нее. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви

пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ.

17. Любовь до того совершенства достигаетъ въ насъ, что мы имѣемъ дерзнованіе въ день суда, потому что поступаемъ въ мірѣ семъ, какъ Онъ.

18. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ,

ный мужъ прилично отъ дѣйствія доказываетъ, что Богъ есть въ насъ. Какое же это дѣйствіе? Чистая любовь къ ближнимъ нашимъ. Она есть признакъ нашего пребыванія въ Немъ и Его въ насъ и потому еще, что Онъ далъ намъ отъ Духа Своего. Ибо чистый рождаетъ чистое и непорочное. И какъ чрезъ чистую любовь мы имѣемъ общеніе съ Нимъ, то отсюда мы, видѣвшіе Его по плоти, познали и свидѣтельствуемъ, что Отецъ послалъ Его, Спасителя міру». И такъ, мы и сами видѣли, и отъ Единороднаго, Сущаго въ нѣдрѣ Отчемъ (Іоаннъ I, 18), слышали, и изъ дѣйствія—взаимной любви познаемъ, что Богъ въ насъ, и далъ намъ Духа Своего, и мы въ общеніи съ Нимъ».

15—16. Неразрывная связь исповѣданія вѣры во Христа и любви къ ближнимъ, о чемъ уже ранѣе говорилъ Апостолъ (III, 23), утверждается теперь съ особою силою, поскольку самое общеніе наше съ Богомъ поставляется въ причинную зависимость отъ исповѣданія Божества Иисуса Христа и Его спасительнаго дѣла (ст. 15), при чемъ, конечно, необходимо предполагаются сопутствующія вѣрѣ дѣла любви (ср. ст. 12). Ст. 16 суммируетъ содержание предыдущихъ стиховъ со ст. 7—8, при чемъ повторяется и основное положеніе всей рѣчи Апостола: «Богъ есть любовь» (ср. ст. 8). Подводя итогъ сказанному о существѣ и происхожденіи любви христіанской, Апостолъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ здѣсь точку опоры для дальнѣйшаго раскрытія истинной сущности любви.

17—18. Апостолъ уясняетъ вопросъ: въ чемъ состоитъ высшая степень совершенства любви, соединяющей вѣрующихъ съ Богомъ, и рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что рѣшительнымъ признакомъ совершенства любви является готовность вѣрующихъ и любящихъ безбоязненно предстать въ день суда предъ страшнымъ судищемъ Христовымъ, — совершенная любовь имѣетъ *дерзновеніе*, *παρρησία*, (ср. II, 28; III, 21; V, 14), т. е. увѣренность и мужество быть оправданною на судѣ Христовомъ. Для этого необходимо однако, чтобы «мы поступали въ мірѣ семъ, какъ Онъ» (ст. 17). «Какъ Онъ въ мірѣ былъ непороченъ» и чистъ...,—такъ и мы будемъ въ Богѣ, и Богъ въ насъ. Если Онъ есть учитель и подаватель нашей чистоты, то мы должны носить Его въ мірѣ чисто и непорочно... Если будемъ такъ жить, то будемъ имѣть дерзновеніе предъ Нимъ и будемъ свободны отъ всякаго страха» (Феофил.). Если отличительный признакъ совершенной любви составляетъ *дерзновеніе*, то противоположное дерзновенію чувство страха не должно имѣть мѣста не только въ самой любви, но и въ той области, въ которой она дѣйствуетъ: «въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ». — разумѣется страхъ рабскій, возбуждаемый ожиданіемъ наказанія и потому заключающій въ себѣ мученіе; и «боящійся несовершенъ въ любви» (ст. 18). «Основываясь на словахъ Давида: «бойтесь Господа, всѣ святые Его»... (пс. XXXIII, 30), иные спросятъ: какъ теперь Іоаннъ говоритъ, что совершенная любовь изгоняетъ страхъ? Неужели святые Божіи такъ несовершенны

потому что въ страхѣ есть мученье. Боящійся не совершенъ въ любви.

19. Будемъ любить Его, потому-что Онъ прежде возлюбилъ насъ.

20. Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжець; ибо не любящій брата своего, котораго видѣть, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видѣть?

21. И мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего.

въ любви, что имъ заповѣдуется бояться? Отвѣчаемъ. Страхъ двоякаго рода. Одинъ—предначинательный, къ которому примѣшивается мученіе. Человѣкъ, совершившій худыя дѣла, приступаетъ къ Богу съ боязнію, и приступаетъ для того, чтобы не быть наказаннымъ. Это—страхъ предначинательный. Другой страхъ совершенный. Этотъ страхъ свободенъ отъ такой боязни, почему и называется чистымъ и пребывающимъ въ вѣкъ вѣка (ис. XVIII, 10). Что же это за страхъ и почему онъ совершенный? Потому, что имѣющій его совершенно восхищенъ любовію и всячески старается о томъ, чтобы у него ничего не доставало такого, что сильно любящій долженъ сдѣлать для любимаго» (бл. Теофил.).

19—21. Устранивъ несовершенство любви въ видѣ страха (ст. 18), Апостолъ переходитъ къ заключенію своей рѣчи о любви къ Богу и ближнимъ во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ сторонъ любви, съ указаніемъ необходимости обоснованія любви къ ближнимъ на любви къ Богу. Первымъ предметомъ любви христіанина долженъ быть Богъ (ст. 19), Тотъ, Кто Своєю любовію, проявленною прежде, чѣмъ мы узнали Его, и даже тогда, когда мы еще были враждебны Ему (ст. 9—10), возжегъ въ душѣ нашей пламень истинной любви. Но любовь къ Богу, если она дѣйствительно существуетъ, должна отражаться въ дѣйствіяхъ человѣка и главнымъ образомъ—въ его любви къ ближнему; недостатокъ, а тѣмъ болѣе полное отсутствіе любви къ ближнимъ говорить непремѣнно и о недостаткѣ любви къ Богу, о любви лишь мнимой,—такъ что любовію къ ближнимъ можетъ быть измѣряема наша любовь къ Богу (ст. 20). «Любовь очевидно образуется чрезъ обращеніе другъ съ другомъ; обращеніе же предполагаетъ, что человѣкъ видѣть своего брата и по обращенію съ Нимъ еще болѣе привязывается къ Нему любовію, ибо видѣніе весьма много привлекаетъ къ любви. Если же такъ, то кто ни во что ставитъ гораздо болѣе влекущее къ любви, не любить брата, котораго видѣлъ, какъ можетъ быть признанъ истиннымъ, когда говорить, что любить Бога, Котораго не видѣлъ, который ни въ обращеніи съ нимъ, ни объ-емлется никакимъ чувствомъ» (Теофил.). Рѣчь свою Апостолъ заключаетъ указаніемъ на то, что тѣсная, неразрывная связь любви къ ближнимъ съ любовію къ Богу, составляетъ прямую, положительную заповѣдь Божию (τὴν ἐντολὴν αὐτοῦ), ст. 21.

ГЛАВА V.

1. Всякій вѣрующій, что Іисусъ есть Христосъ, отъ Бога рожденъ, и всякій, любящій Родившаго, любить и Рожденнаго отъ Него.

2. Что мы любимъ дѣтей Божіихъ, узнаемъ изъ того, когда любимъ Бога и соблюдаемъ заповѣди Его.

3. Ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его. И заповѣди Его не тяжки.

3. Ибо всякій, рожденный отъ Бога, побѣждаетъ міръ; и сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша.

5. Кто побѣждаетъ міръ, какъ

V.

Вѣра и любовь въ ихъ взаимной связи и побѣдѣ надъ міромъ (1—5). Свидѣтельство о Христѣ трехъ небесныхъ и трехъ земныхъ свидѣтелей (6—9). Внутреннее свидѣтельство вѣрующаго (10—13). Дерзновение вѣрующаго (14—15). Молитва о согрѣшающемъ братѣ (16—19). Основной членъ христіанской вѣры—вѣра въ Бога и въ Господа Іисуса Христа; необходимость беречься отъ суетнѣрія язычниковъ (20—21).

1—3. Указанная выше (гл. IV) Апостоломъ неразрывная связь любви къ Богу и къ ближнему здѣсь раскрывается и уясняется со стороны причинъ: Богъ и вѣрующіе, которыхъ Апостолъ именуетъ рожденными отъ Бога, столь тѣсно и нравственно связаны между собою, что любовь къ Богу, возродившему людей, должна влечь за собою и любовь къ возрожденнымъ Имъ людямъ. «Если мы родились отъ Него, то, безъ сомнѣнія, должны оказывать должное и Родителю, т. е., любить и Родившаго. Если же всѣ мы, увѣровавшіе, родились отъ Него, то мы должны любить и другъ друга и какъ братья, и какъ рожденные отъ Него» (Θεοφил.). Далѣе (ст. 2—3) Апостолъ отбѣняетъ ту мысль, что непременно должна быть дѣятельною (ср. II, 3; III, 18), и свидѣтельствомъ дѣйствительности любви служить соблюденіе заповѣдей Божіихъ, о которыхъ Апостолъ здѣсь замѣчаетъ, что онѣ не тяжки, какъ и Самъ Господь называлъ иго Своихъ заповѣдей благимъ, и бремя ихъ легкимъ (Матѣ. XI, 30),—въ смыслѣ, конечно, содѣйствующей благодати по вѣрѣ въ искупительную силу крови Христовой (ср. I Іоан. I, 7; II, 1, 2). «Заповѣди Его не тяжки. Ибо что тяжелаго въ дѣлѣ любви брата. Что, на примѣръ тяжелаго въ томъ, чтобы посѣтить узника въ темницѣ? Ибо повелѣвается не выпустить изъ темницы, что было бы трудно, а только посѣтить. И больного повелѣвается не освободить отъ болѣзни, а только посѣтить» (Θεοφил.).

Быть можетъ, говоря объ отсутствіи въ заповѣдяхъ Божіихъ тягостности по сравненію съ благодатными средствами, данными людямъ въ христіанствѣ, Апостолъ имѣлъ въ виду лжеучителей, оправдывавшихъ свою нравственную распущенность ссылкой на трудность и мнимую невозможность исполненія заповѣдей Божіихъ.

4—5. Исполненіе заповѣдей Божіихъ человекомъ встрѣчаетъ для себя препятствія въ видѣ противодѣйствія боговраждебныхъ началъ—міра, плоти и діавола (сн. II, 15—16). Но христіанинъ силою благодати, подаваемой чрезъ вѣру въ Бога и Господа Іисуса Христа, твердо противодействуетъ

не тотъ, кто вѣруеть, что Іисусъ есть Сынъ Божій?

6. Сей есть Іисусъ Христосъ, пришедшій водою и кровію и Духомъ, не водою только, но водою и кровію, и Духъ свидѣлствуютъ о Немъ, потому что Духъ есть истина.

7. Ибо три свидѣлствуютъ на

небѣ: Отецъ, Слово и Святый Духъ; и сіи три суть едино.

8. И три свидѣлствуютъ на землѣ: духъ, вода и кровь; и сіи три объ одномъ.

9. Если мы принимаемъ свидѣтельство человѣческое, свидѣтельство Божіе—больше, ибо это есть

соблазнамъ и искушеніямъ, идущимъ отъ міра, и наконецъ побуждаетъ весь боговраждебный міръ. Апостолъ «объясняетъ, въ чемъ состоитъ побѣда и чревъ что она совершается; тѣмъ и другимъ называетъ вѣру, т. е. вѣру въ Бога, которая, родившись отъ Бога, побѣдила и прогнала всякое невѣріе, и ни іудей, ни еллинъ, ни еретикъ, не силенъ противъ нея. А какъ вѣра побуждаетъ не одна, сама по себѣ, а вмѣстѣ съ имѣющимъ ее, то прибавляетъ: и кто побуждаетъ міръ, какъ не тотъ, кто вѣруеть, что Іисусъ есть Сынъ Божій» (бл. Теофил.). Побѣда надъ міромъ, совершенная Іисусомъ Христомъ (Іоан. XVI, 33), является вѣчнымъ источникомъ, изъ котораго хрістіане, по вѣрѣ во Христа, почерпаютъ благодатныя силы для своей личной побѣды надъ міромъ.

6—9. Вѣра въ Божество Іисуса Христа (ст. 5) образуетъ самую сущность и главное основаніе хрістіанства, и именно противъ этой вѣры направляли всѣ свои силы лжепророки и еретики апостольскаго вѣка. Потому Апостолъ теперь указываетъ тѣ твердыя и невыблемыя основанія, на которыхъ покоится та вѣра.

Возвращаясь къ началу своего посланія I, 1—3, Апостолъ теперь подробно раскрываетъ и обосновываетъ свидѣтельство о Христѣ, вѣра въ Котораго побѣдила міръ. Свидѣтельствами того, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, служатъ прежде всего *вода* крещенія, *кровь* крестной смерти на Голгофѣ и *духъ*, т. е., благодатныя дарованія Св. Духа: свидѣтельства эти подтверждаетъ Духъ Божій, Который есть истина (ст. 6). Но свидѣтельство Духа Божія находится въ полномъ согласіи съ свидѣтельствомъ—Бога Отца о Своемъ Сынѣ (Матѣ. III, 17; XVII, 5 и др.) и Господа Іисуса Христа о Себѣ Самомъ (Іоанн. I, 18; III, 11; VІІІ, 14; X, 36; Матѣ. XXVI, 64 и др.), потому что всѣ три Лица Пресв. Троицы едино суть по существу (ст. 7). Этимъ высокимъ небеснымъ Свидѣтелямъ соотвѣтствуютъ три земныхъ свидѣтеля: духъ, вода и кровь (ст. 8). «Сказавъ это, подтверждаетъ слова сіи доказательствомъ отъ меньшаго. Если мы принимаемъ свидѣтельство человѣческое о чемъ-либо, не тѣмъ-ли справедливѣе должны принять свидѣтельство большее, отъ Бога. Ибо это свидѣтельство о Сынѣ Божіемъ, т. е. о Христѣ, не отъ Самого-ли Бога?» (бл. Теофил.).

Весьма важный въ вѣроучительномъ, догматическомъ отношеніи стихъ 7-й не читается ни въ одномъ изъ древнихъ греческихъ кодексовъ Новаго Заѣта: ни въ такихъ авторитетныхъ униціальныхъ кодексахъ, каковы: Синайскій, Александрійскій, Ватиканскій, ни въ древнѣйшихъ курсивныхъ греческихъ манускриптахъ, ни въ лекціонаріяхъ. Въ твореніяхъ древнихъ греческихъ отцовъ, въ своей полемикѣ противъ аріанъ имѣвшихъ постоянный поводъ говорить о тринности Лицъ въ Богѣ и Ихъ единосущіи, данный стихъ не цитируется. И блаженный Теофилактъ въ толкованіи своемъ 1 посланія Ап. Іоанна опускаетъ ст. 7-ой. Нѣтъ этого стиха и въ древнѣйшихъ переводахъ Новаго Заѣта—Пешито, арабскихъ и др.; только въ нѣкоторыхъ, и то не древнихъ, спискахъ латинскаго перевода Вульгаты спорный

свидѣтельство Божіе, которымъ Богъ свидѣтельствовалъ о Сынѣ Своемъ.

10. Вѣрующій въ Сына Божія имѣетъ свидѣтельство въ себѣ самомъ; невѣрующій Богу представляетъ Его **лживымъ**, потому что не вѣруетъ въ свидѣтельство, которымъ Богъ свидѣтельствовалъ о Сынѣ Своемъ.

11. Свидѣтельство сіе состоитъ въ томъ, что Богъ даровалъ намъ

жизнь вѣчную, и сія жизнь въ Сынѣ Его.

12. Имѣющій Сына (Божія) имѣетъ жизнь; не имѣющій Сына Божія не имѣетъ жизни.

13. Сіе написалъ я вамъ, вѣрующимъ во имя Сына Божія, дабы вы знали, что вы, вѣруя въ Сына Божія, имѣете жизнь вѣчную.

14. И вотъ какое дерзновеніе мы имѣемъ къ Нему, что, когда

стихъ читается. Уже подъ влияніемъ Вульгаты въ двухъ греческихъ кодексахъ XVI в. этотъ стихъ имѣется. Въ печатномъ изданіи Комплютенской Библии (1514—1520) разсматриваемыя слова имѣются. Въ новѣйшихъ критическихъ изданіяхъ новозавѣтнаго текста—Грисбаха, Шольца, Тишендорфа, Вескотта—Хорта, Триджелса и др. слова ст. 7-го опускаются. Напротивъ, принятые церковью Восточною и Западною тексты, оригинальный и переводные, имѣютъ слова ст. 7-го, какъ подлинныя апостольскія слова. При этомъ церковномъ возвращеніи мы и должны остаться, хотя научныя текстуально-критическія данныя не доказываютъ подлинности даннаго мѣста съ безусловною несомнѣнностью (см. у *проф. Н. И. Сахарды*, стр. 206—260).

Во всякомъ случаѣ внесеніе словъ ст. 7-го нисколько не затрудняетъ чтеніе и связь всего текста, и какъ съ предыдущими, такъ и съ послѣдующими текста согласуется, равно вполне гармонируетъ съ особенностями богословія Ап. Іоанна.

10—13. Кромѣ небснаго и земного свидѣтельствъ, вѣра въ Іисуса Христа имѣетъ въ пользу истинности своей сильное внутреннее свидѣтельство самого вѣрующаго: для вѣрующаго и живущаго во Христѣ истинность вѣры выше всякихъ сомнѣній, поскольку вѣра есть постоянный фактъ его сознанія (ср. Іоан. VII, 16; Рим. VIII, 16; 1 Іоан. I, 10). Наоборотъ, кто не вѣруетъ въ свидѣтельство Божіе, тотъ считаетъ его ложнымъ, слѣдовательно, Самого Бога представляетъ **лживымъ** (ст. 10);—«невѣрующій виновенъ въ двухъ отношеніяхъ: въ невѣріи, представляя Бога лжецомъ, и въ томъ, что лишаетъ себя сыноположенія, а чрезъ это жизни вѣчной» (бл. *Феофил.*). Между тѣмъ истинная вѣра носитъ въ себѣ несомнѣнный залогъ вѣчной жизни (ст. 11—12, ср. I, 4).

Въ ст. 13 «выводится какъ-бы заключеніе. Я, говоритъ, написалъ это вамъ, какъ наслѣдникамъ вѣчной жизни. Ибо для тѣхъ, которые, не живутъ по надеждѣ жизни вѣчной, это не могло бы быть написано, потому что давать святыню псамъ и метать жемчугъ предъ свиньями непохвально» (Матѣ. VII, 6) (*Феофил.*). И дальнѣйшіе стихи, 14—21, составляя органическую, неотъемлемую часть посланія, имѣютъ характеръ заключенія, въ которомъ повторяются главнѣйшія мысли посланія, съ прибавленіемъ, впрочемъ, одной новой мысли о ходатайственной молитвѣ за согрѣшающихъ братьевъ (ст. 15—16).

14—15. Въ вѣрующемъ сознаніи обладанія истинною, вѣчною жизнью заключается, какъ необходимый моментъ, сыновнее дерзновеніе вѣрующаго

просимъ чего по волѣ Его, Онъ слушаетъ насъ;

15. а когда мы знаемъ, что Онъ слушаетъ насъ во всемъ, чего бы мы ни просили,—знаемъ и то, что получаемъ просимое отъ Него.

16. Если кто видитъ брата своего согрѣшающаго грѣхомъ не къ

смерти, то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь, *то есть*, согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти: не о томъ говорю, чтобы онъ молился.

17. Всякая неправда есть грѣхъ, но есть грѣхъ не къ смерти.

18. Мы знаемъ, что всякій, ро-

предъ Богомъ (ст. 14, сн. II, 28; III, 21; IV, 17), состоящее въ радостной надеждѣ, что Богъ услышитъ наши молитвы, если только онѣ согласуются съ Его святѣйшею волею (ср. Іоан. XVI, 24; Евр. IV, 16),—«если мы просимъ у Бога сообразнаго съ волею Его, то Онъ слушаетъ насъ... А кто проситъ противнаго волѣ Учителя, тотъ не будетъ и слышать» (бл. Феофил.). Въ силу этой христіанской надежды происходитъ то, что просимое у Бога, ожидаемое отъ Него, является для вѣрующаго христіанина какъ-бы исполнившимся (ст. 15). Такова сущность христіанской молитвы вообще.

16—17. Дерзновеніе вѣры и молитвы—великое сокровище, на которомъ основывается блаженство вѣрующаго. Но вѣрующій долженъ пользоваться этимъ благомъ не для себя только, но и для ближнихъ, посильно содѣйствуя ихъ благу и спасенію,—и прежде всего молитвою за нихъ. Что касается, частіе, ходатайственной молитвы за согрѣшающихъ (1, 8) братьевъ, то она, какъ и молитва вообще, можетъ быть услышана Богомъ только при извѣстныхъ съ нашей стороны условіяхъ. «Сказавъ, что Богъ исполняетъ прошеніе ваши, согласныя съ Его волею, Апостолъ теперь ясно высказываетъ желаніе свое о томъ, чего бы мы просили по волѣ Божіей. И какъ онъ много, почти чрезъ все посланіе, говорилъ о любви къ брату и о томъ, что Богъ желаетъ, чтобы мы соблюдали любовь къ брату нелицемѣрно, то теперь однимъ изъ желаній Его, и самымъ лучшимъ, называетъ то, что когда кто видитъ брата своего, согрѣшающаго грѣхомъ несмертнымъ, то пусть проситъ» (бл. Феофил.). Мы должны молиться за согрѣшающихъ братьевъ, если они совершаютъ *грѣхъ не къ смерти* (*ἀρτοῦν μὴ πρὸς θάνατον*), т. е. если они не отпали совершенно отъ вѣры и любви, если не устранили себя преднамѣренно отъ воздѣйствія на нихъ благодатныхъ средствъ. Но кромѣ *грѣха не къ смерти*, есть еще *грѣхъ къ смерти*, т. е., подобное упомянутой въ Евангеліи хулѣ на Духа Святаго (Матѣ. XII, 31—32), рѣшительное, сознательное и намѣренное отпаденіе отъ вѣры—особенно отъ вѣры въ воплощеніе Сына Божія (1 Іак. IV, 3), и отъ любви къ ближнему (III, 10); ненависть къ брату Апостолъ прямо называетъ *человѣкоубійствомъ* (III, 15); о тяжести же грѣха отреченія отъ воплотившагося Сына Божія говорить и Апостолъ Павелъ (Евр. VI, 4—6; X, 26). Представляя молитву за согрѣшающихъ грѣхомъ несмертнымъ непремѣннымъ долгомъ вѣрующаго христіанина (ср. Іак. V, 16), Апостолъ не даетъ такого наставленія о молитвѣ за согрѣшающихъ грѣхомъ смертнымъ, хотя прямо не запрещаетъ грѣховъ и этого рода: уснѣху молитвы въ послѣднемъ случаѣ противодействуютъ неувѣріе, упорство, ожесточеніе и коснѣніе во грѣхахъ. Но и грѣхи перваго рода, несмертные, требуютъ тщательнаго очищенія и должны быть избѣгаемы, поскольку «всякая неправда есть грѣхъ» (ст. 7 а).

18—21. Теперь слѣдуетъ заключеніе посланія. Троекратнымъ «мы знаемъ» (ст. 18, 19, 20) Апостолъ еще разъ приводитъ читателямъ основныя истины, раскрытыя имъ въ посланіи, совершенно безспорныя и для Апостола, и для всѣхъ христіанъ. Первое положеніе, равнѣ раскрытое Апостоломъ

жденный отъ Бога, не грѣшитъ; но рожденный отъ Бога хранить себя, и лукавый не прикасается къ нему.

19. Мы знаемъ, что мы отъ Бога, и что весь міръ лежитъ во злѣ.

20. Знаемъ также, что Сынъ

Божій пришелъ и далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ въ истинномъ Сынѣ его Іисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и жизнь вѣчная.

22: Дѣти! храните себя отъ идоловъ. Аминь.

(III, 9), гласить: «всякій, рожденный отъ Бога, не грѣшитъ» (ст. 18) «Однакожь, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что природа его (возрожденнаго) претворяется и становится уже неуловимою для грѣха, прибавляется: *хранить себя*, т. е. если не будетъ хранить и беречь себя, то, безъ сомнѣнія, согрѣшитъ».

Итакъ, онъ не по природѣ достигаетъ безгрѣшности, но по великому дару Божію. Богъ, усыновивъ насъ, удостоилъ насъ такой благодати, что мы, соблюдая и сохраняя поданный отъ него даръ, можемъ и не грѣшить» (Феофил.).

Второе положеніе состоитъ изъ двухъ противоположныхъ сужденій: «мы отъ Бога», а «міръ весь во злѣ лежитъ» (ст. 19)—міръ боговраждебный обнимаетъ прежде всего «князя міра сего» (Іоан. XII, 31) и чадъ его, особенно лжеучителей и антихристовъ, о которыхъ говорилъ Апостолъ (II, 18—19; 22—23; IV, 2—8), а также тѣхъ, которые слѣдуютъ похотямъ міра (II, 15—16). Всего этого должны быть чужды истинные христіане, какъ рожденные отъ Бога. Такое состояніе вѣрующаго обуславливается тѣмъ, что Господь Іисусъ Христосъ, явившись въ міръ, далъ намъ возможность познать истиннаго Бога, и мы находимся въ общеніи съ Богомъ, будучи въ общеніи съ Его Сыномъ Іисусомъ Христомъ, Который есть истинный Богъ и жизнь вѣчная (ст. 20). Это третье положеніе суммируетъ все сказанное Апостоломъ въ отдѣлѣ IV, 9—V, 12.

Находясь въ общеніи съ истиннымъ Богомъ, имѣя отъ Него жизнь вѣчную, христіане должны всячески уклоняться отъ почитанія ложныхъ боговъ и отъ всякаго вида идолопоклонства (ст. 21). «Апостолъ писалъ это всей церкви, которая не вся наполнена была людьми избранными, а между ними иной былъ и съ неправымъ расположеніемъ. Такимъ онъ и даетъ заповѣдь эту, опасаясь за ихъ слабость» (бл. Феофил.).